

РОО «Национально–культурное
общество караимов
Севастополя «Фидан»

Департамент внутренней
политики города
Севастополя

Материалы 2-й научно-практической конференции «Вопросы сохранения культурного наследия караимов»

г. Севастополь, 27 ноября 2020 г.

Сборник докладов на конференции

Севастополь 2021

Издание осуществлено при финансовой поддержке Департамента внутренней политики города Севастополя

© Региональная общественная организация
«Национально–культурное общество
караимов Севастополя «Фидан», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Доклады и выступления	5
Катлама Ю.Б. (Санкт-Петербург) Обращение Санкт-Петербургского этнокультурного общества караимов (караев) ко всем светским и религиозным обществам и общинам крымских караимов зарегистрированных в Российской Федерации.....	6
Иванов П.Б. (Москва) Караимы в средних и высших учебных заведениях Российской Империи	8
Адам Дубински (Adam Dubiński) – Польша, Варшава Караимы в Варшаве до 1918 года – новые данные на виртуальной карте.....	13
Петров-Дубинский О.В. (Москва) Серая Шапшал – выдающийся хранитель культуры и языка крымскокараимского народа	16
Баккал Е.Г. (Севастополь) Итоги последних лет работы Севастопольского караимского общества и ближайшие цели и задачи	19
Дубровская М.Ю. (Новосибирск) Песенный музыкальный фольклор крымских караимов на современном этапе: актуальные проблемы собирания, изучения и популяризации	25
Арабаджи А.Я. (Украина, Киев) Возникновение, становление и развитие караимской общины в г. Киеве	35
Малиновская О.И. (Севастополь) Национальные некрополи Севастопольского региона. Проблемы изучения и сохранения	41
Терещук Н.М. (Севастополь) Переписи населения второй половины XIX в. как источник изучения сведений о севастопольских караимах	49
Баккал И.Н. (Бахчисарай) Изучение и сохранение предметов декоративно-прикладного искусства как части материально-культурного наследия крымских караимов.....	53
Завгородняя О.А. (Севастополь) Фотографии из семьи караимского купца И.А. Максимаджи в фондах Музея-заповедника «Музей обороны Севастополя»	57
Ельяшевич В.А. (Симферополь) Некоторые итоги работы над переводом древнееврейской эпиграфики караимского некрополя в Севастополе в 2019-2020 годах	61
Прохоров Д.А. (Симферополь) Законодательные инициативы Авраама и Гавриила Фирковичей в рамках правового поля Российской империи (середина XIX века).....	64
Шимон Пилецкий (Szymon Pilecki) – Польша, Варшава Стремительно увеличивать число караимских семейств – является важнейшим условием сохранения всякого историко-культурного наследия.....	73
Пьясор Д.О. (Евпатория) «Карай Битиклиги»: документальные и фотографические материалы из архивов Ромуальда Арамовича Айваза.....	76
Бабаджан А.А. (Вильнюс) Кое-что об отношении Персии к С.М. Шапшалу.....	78
Дополнения.....	83
Программа конференции.....	83
Письмо Юлии Подлипаевой в оргкомитет конференции.	85

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник содержит доклады и выступления, включенные в программу 2-й научно-практической конференции «Вопросы сохранения культурного наследия караимов», проходившей в Севастополе 27 ноября 2020 года.

Доклады, вошедшие в сборник, в целом соответствуют программе конференции и призваны ознакомить с тематикой докладов. Доклады и выступления, прозвучавшие на конференции, которые не были присланы в электронном виде или в бумажной копии не включены в издание. Материалы публикуются в авторской редакции.

Общий снимок участников конференции (Севастополь)

Участники конференции, выступающие online

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Катлама Ю.Б. (Санкт-Петербург)

Обращение Санкт-Петербургского этнокультурного общества караимов (караев) ко всем светским и религиозным обществам и общинам крымских караимов зарегистрированных в Российской Федерации

Appeal of the St. Petersburg Ethnocultural Society of Karaites (Karai) to all secular and religious societies and communities of Crimean Karaites registered in the Russian Federation

Обращение

Санкт-Петербургского этнокультурного общества караимов (караев)
ко всем светским и религиозным обществам и общинам крымских караимов
зарегистрированных в Российской Федерации.

Уважаемые соплеменники.

Санкт-Петербургское этно-культурное общество караимов (караев) берет на себя инициативу и обращается ко всем светским и религиозным обществам (общинам) городов Российской Федерации с предложением восстановить и укрепить национально-культурные и религиозные связи между обществами, продемонстрировать единство и взаимную солидарность и выработать единую общую программу, несомненно основную для всех обществ (общин) – сохранения нашего малочисленного народа и создания необходимых условий для поддержания его самоидентичности.

Основными уставными задачами Санкт-Петербургского этнокультурного общества караимов (караев) является укрепление и развитие национального сознания, возрождение и сохранение истории и культуры, языка и обычаев крымских караимов, религиозно-культурное просвещение членов общества, воспитание членов общества в духе национальных традиций и интернациональной дружбы.

Относясь предельно толерантно к предусмотренным уставами целям и задачам всех светских и религиозных обществ (общин), мы полагаем, что наши цели и задачи должны быть близки и понятны всем крымским караимам, проживающим как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Наш малочисленный народ на протяжении всей своей истории всегда проявлял самые лучшие человеческие и моральные качества, демонстрируя порядочность, надежность, доброту, благотворительность, верность долгу, неподкупность, этническую солидарность и взаимопомощь. В тяжелые периоды жизни нашей Родины караимский народ, несмотря на свою малочисленность, всегда становился плечом к плечу с народами России и принимал активное участие в преодолении трудностей, проявляя героизм, мужество и самопожертвование. Каждый караим мужчина считал своим долгом стать на защиту своей родины. Эти благородные качества принесли нашему народу невосполнимые потери. Многие из лучших представителей крымских караимов отдали жизни выполняя свой долг. Крымские караимы снискали заслуженное уважение и у народов, с которыми вместе жили, и у правительств Российской империи, Советского Союза, а теперь Российской Федерации.

Политические события последних лет и присоединение Крыма не могут быть безразличны для нас – крымских караимов. Мы не можем ограничиться чувством удовлетворения от свершившейся исторической справедливости. Было бы естественно и политически своевременно выразить наше консолидированное позитивное отношение к возвращению Крыма в состав России сплочением караимского народа, преодолением старых обид и разногласий, укреплением и усилением связей между отдельными обществами и общинами, созданием национальных структур для формирования общественного мнения и осуществления национальной политики.

Мы, Санкт-Петербургское этнокультурное общество караимов (караев), предлагаем всем обществам и общинам крымских караимов в рамках федерального законодательства на добровольной основе объединиться в ассоциацию (объединение) всех обществ и общин крымских караимов.

Текст обращения единогласно принят на общем собрании С-Петербургского этнокультурного общества караимов (караев) проведенного в С-Петербургском Доме национальностей Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурга .

По поручению общего собрания Санкт-Петербургского этнокультурного общества караимов (караев).

Президент СПб ЭКО

Председатель правления СПб ЭКО

/Катлама Ю. Б. /

/Иванов-Казас М. А./

Иванов П.Б. (Москва)

Караимы в средних и высших учебных заведениях Российской Империи

Karaites in secondary and higher educational institutions of the Russian Empire

1. Благодарности:

- Качанову Н. за привлечение к работе в архивах
- Ефимову А. за направление поиска
- Шайтанову С. за помощь в идентификации
- Прохорову Д. за статьи по караимам и их училищам

2. Цель работы:

- Составление списков караимов, учившихся в средних учебных заведениях, по окончании которых выпускники имели право поступать в высшие учебные заведения (гимназии, реальные училища, коммерческие училища)
- Составление списков караимов, учившихся в Высших учебных заведениях
- Сопоставление списков между собой
- Предварительный статистический анализ

3. Используемые источники:

3.1. Начиная с 1908 года (и до 1917) по предложению Министерства Народного Просвещения все средние учебные заведения высылали списки окончивших во все высшие учебные заведения. Часто они включали и данные начиная с 1903 года.

Такие списки сохранились в следующих фондах Центрального Государственного Архива (ЦГА) г. Москвы:

- Фонд 363 - Московские Высшие Женские Курсы
- Фонд 459 - Канцелярия попечителя Московского Учебного Округа.

Были рассмотрены списки 300 школ из 32 городов, мест основного проживания караимов в Российской Империи. Т. к. в указанных фондах сохранились списки не за весь временной период для некоторых учебных заведений, то это соответствует примерно 75% от полной картины для 1903-1917 гг. (Не полная информация: Армянский Базар, Керчь, Луцк и для центральных городов, в которых было очень много учебных заведений - С.-Петербург, Москва, Одесса, Харьков, Киев.)

3.2. Списки учащихся на основе опубликованных архивных описей для Одессы, Николаева, С.-Петербурга и Москвы.

3.3. Исторические обзоры, публиковавшиеся к юбилею гимназий, которые часто включали списки выпускников.

3.4. Дореволюционные газеты, издававшиеся в Таврической Губернии:

- Крымский Вестник (Севастополь) 1888-1920
- Крым (Симферополь) 1882-1906 (1888-1902)
- Салгир (Симферополь) 1897-1905

3.5. Караимские периодические издания и библиографические справочники

3.6. Алфавитные списки учившихся в Высших учебных заведениях и соответствующие архивные фонды, а также исторические описания.

Проанализированные материалы для 43 Высших учебных заведений, которые покрывают 75% дореволюционного периода. (Не полная информация: Киев, Варшава, Саратов, Харьков.)

(Не проанализированы военные и только частично музыкально-художественные ВУЗы)

3.7. Монографии и справочники по теме образования в Российской Империи:

- Памятная книжка Одесского учебного округа на 1913-1914 учебный год, 1913
- Список учебных заведений ведомства МНП (кроме начальных) по городам и селениям, 1915
- Иванов А.Е. «Высшая школа России в конце XIX - начале XX века», 1991
- Статьи Прохорова Д. из сборника «Образование и педагогическая мысль Крыма», 2007

4. Результаты по числу караимов, учившихся в:

- Средних учебных заведениях - **2000** записей для **1670** персоналии
- Высших учебных заведениях – **1760** записей для **1300** персоналий
- Около **650** персоналий присутствуют в обоих списках

4.1 Количество закончивших (учившихся) средние учебные заведения по городам:

Город	# караимов
Одесса	367
Евпатория	246
Феодосия	194
Симферополь	163
Севастополь	108
Николаев	83
С.-Петербург	64
Херсон	47
Мелитополь	43
Бердянск	40
Харьков	40
Екатеринослав	39
Киев	31
Москва	26
Екатеринодар	23
Ялта	20
Вильно	18
Керчь	18
Полтава	16
Елисаветград	11
Кременчуг	11
Армянский Базар	6
Рига	6
Луцк	4
Карасубазар	2

Город	# караимов
Воронеж	3
Каменецк-Подольск	3
Кишинев	3
Мариуполь	3
Сумы	3
Варшава	2
Вознесенск	2
Двинск	2
Кельцы	2
Ростов-на-Дону	2
Житомир	1
Казань	1
Калуга	1
Курск	1
Либава	1
Н. Новгород	1
Новороссийск	1
Орел	1
Самара	1
Саратов	1
Симбирск	1
Таганрог	1
Тула	1
Урюпинск	1
Ярославль	1

4.2 Количество караимов, учившихся в Высших учебных заведениях, по городам ВУЗа и по типу/профилю ВУЗа:

Город ВУЗа	# караимов
С.-Петербург	389
Одесса	373
Москва	284
Харьков	114
Киев	68
Дерпт (Юрьев)	15
Варшава	13
Рига	11
Казань	7
Екатеринослав	5
Томск	5

Тип/профиль ВУЗа	# караимов
Университет	693
Инженерный	245
Женский	169
Коммерческий	54
Медицинский	52
Музыкальный	25
Сельскохозяйственный	25
Педагогический	11
Художественный	7
Археологический	4
Лингвистический	2

4.3 4.3 Количество караимов, поступавших в ВУЗы, по годам:

4.4 Чаше всего встречающиеся фамилии:

Средние Учебные Заведения	
Фамилия	#
Коген(-...)	60
Кальф(а/е)	51
Мангуби	42
Кефели	41
Бабаджан	40
Крым	40
Бобович	38
Хаджи	38
Оксюз	33
Бак(к)ал	32
Рофе	32
Черкез(с)	31
Туршу	29
Арабаджи	27
Синани	27
Казас	26
Шишман	26
Сарибан	25
Ходжаш	24
Сарач	21
Шапшал	21
Ага	18
Джигит	18
Гелелович	17
Исакович	17
Пампулов	17

Высшие Учебные Заведения	
Фамилия	#
Кальф(а/е)	53
Коген(-...)	46
Кефели	43
Мангуби	40
Хаджи	33
Бак(к)ал	32
Бобович	32
Крым	32
Черкес(з)	31
Синани	28
Казас	26
Бабаджан	24
Рофе	23
Кобецкий	20
Ходжаш	19
Оксюз	17
Сарач	17
Эгиз	17
Туршу	16
Джигит	15
Фуки	15
Шапшал	15
Исакович	14
Майкапар	14
Минаш	14
Прик	14

5. Приложение:

Структура образования в Российской Империи

Павел Иванов

Адам Дубински (Adam Dubiński) – Польша, Варшава Караимы в Варшаве до 1918 года – новые данные на виртуальной карте

Karaites in Warsaw until 1918 - new data on a virtual map.

Наши знания о пребывании караимов в Варшаве перед Первой мировой войной до недавнего времени были очень скудными. Во второй половине XIX века, в период усиления миграции караимов из Крыма в другие города Российской империи, караимы стали появляться и в Варшаве¹.

До сих пор не были нам известны многие караимские имена, а также у нас мало было информации о деятельности караимов в Варшаве. Было известно лишь то, что караимское кладбище, возникшее в конце XIX века, основано благодаря крымским табачным купцам. В начале войны большинство караимов покинуло Варшаву и их истории не сохранились до наших дней.

Статистические данные того периода показывают, что в Варшаве проживало не более 50 караимов. В однодневной переписи 1882 г. насчитывалось 24 человека (21 мужчин и 3 женщины) постоянных жителей, а также двое приезжих², по переписи 1897 года – 21 человек (16 мужчин и 5 женщин)³. Данные переписи жителей Варшавы 1914 года гораздо менее надежны, поскольку они показывают, что в городе 191 караима, в том числе 48 постоянно проживающих (23 мужчины и 25 женщин), а также 116 непостоянных и 27 «иностранцев»⁴. Несколько удивительно, что эта перепись показывает большее количество женщин, чем мужчин, но можно предположить, что здесь проживали полные семьи с преобладанием представительниц прекрасного пола, но цифры непостоянных жителей и иностранцев – сильно завышены. Такого количества караимов в Варшаве быть не могло. Возможно, эти ошибочные цифры были вызваны тем, что данные собирались русскими, но опубликованы уже во время войны немцами.

Просмотр архивных документов и местной прессы этого периода помогает заново открыть для себя истории караимов в Варшаве. Благодаря развитию информационных технологий и оцифровке архивных и библиотечных коллекций, в последние годы облегчился доступ к данным, что позволяет обнаружить многие следы присутствия караимов в Варшаве. Кропотливый поиск рекламных объявлений и сообщений, опубликованных за несколько десятилетий, позволяет нам частично воссоздать судьбу варшавских караимов.

Здесь следует выделить несколько типов пресс-материалов. В варшавских газетах можно найти рекламу караимских купцов, объявления о несчастных случаях, потерях, пропущенных телеграммах, а также редакционные заметки о караимах. Однако к некоторым

¹ Подробнее по этой теме: Dubiński, A. *Karaimi i ich cmentarz w Warszawie*, в: *Karaimi*, Под ред. Machul-Telus B., Warszawa 2012, с. 145-179.

² *Результаты однодневной переписи населения города Варшавы в 1882 г.*, Варшава 1883, с. 31.

³ *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* [Т.] LI. *Варшавская губерния*, под редакцией Н. А. Тройницкого, 1904, с. 108–109.

⁴ *Ludność m.[iasta] stol.[ecznego] Warszawy w roku 1914*, в: *Prace Wydziału Statystycznego przy Zarządzie m. st. Warszawy*, 1916, tab. I: *Podział ludności według wyznań*.

данным, содержащимся в последних, следует относиться очень осторожно. Например, в редакционной заметке 1890 года о разрешении основать караимское кладбище мы читаем, что в Варшаве проживали две тысячи караимов, что, очевидно, очень далеко от истины⁵.

Естественно, в содержании рассматриваемых реклам предлагаемых купцами товаров, мы не найдем никаких ссылок на национальность или вероисповедание лиц, к которым они относятся. Таким образом, найти и признать караимов среди тысяч других торговцев, предпринимателей или чиновников можно только на основе знания караимских фамилий и истории деятельности в отдельных отраслях.

Подавляющее большинство сообщений и рекламных объявлений относятся к деятельности табачников. Тем не менее, также в некрологах, заметках о путешествиях и потерях, информации об авариях и других событиях, связанных с жизнью города, мы можем увидеть явный караимский след.

Так родился проект *«Виртуальная карта присутствия караимов в Варшаве до Первой мировой войны, как средство интеграции караимского общества»*, финансируемый Национальным институтом свободы – Центром развития гражданского общества (Narodowy Instytut Wolności – Centrum Rozwoju Społeczeństwa Obywatelskiego).

Создан был современный инструмент – историческая карта Варшавы 1915 года, наложенная на нынешнюю карту города. Благодаря возможности проникновения между древним и современным слоями можно быстро идентифицировать данное место в сегодняшней застройке столицы. Доступ на сайте www.mapy.karaimi.eu

На исторической карте нанесено несколько десятков пунктов, связанных с присутствием караимов в Варшаве до 1918 года. Каждый относится к конкретному адресу и конкретному человеку. Основанием для размещения данного пункта на карте служат старые рекламные объявления в прессе или в адресных изданиях. Первые сообщения о караимах в варшавских газетах относятся к началу 1870-х годов, хотя недавно были найдены пресс-релизы конца 1860-х годов, в которых появляется фамилия Лопатто⁶. В описаниях пунктов на карте есть примечание об источнике сбора данных, информация о людях и компаниях, а также ссылки на другие адреса, относящиеся к данному человеку, дополнены списком людей, связанных с данным адресом.

Карта даёт возможность пройти разными путями от одного места к другому по стопам конкретного человека, а также позволяет проследить историю передачи некоторых адресов из рук в руки между караимами. Например, благодаря сообщениям в прессе, мы можем совершить виртуальную прогулку по следам Иосифа Иософатовича Каплановского (1828–1894), купца из города Троки, который открывает очередные табачные магазины и склады, начинает производство гильз для сигарет, предостерегает от покупки продукции, которая незаконно выдаёт себя за его гильзы, и у которого дочь в 1873 г. упала с лестницы и выбила зубы⁷. Можем пройти по стопам уроженцев Крыма, купцов Исаака Бабакаевича Дурунчи (1827–1885) и Якова Иосифовича Шишмана (1836–1899), основавших в городе Вильно первую в северо-западных губерниях табачную фабрику с представительством в Варшаве, которые размещают десятки объявлений и рекламу в варшавской прессе в течение 40 лет начиная с 1872 г. Можем, наконец, проследить историю производителей халвы и

⁵ «Gazeta Polska», 1890, No. 23, с. 1.

⁶ Объявление о возможности забрать зонтик и шарф, оставленные в магазине специй г-на Лопатто на улице Електоральной No. 20. «Kurjer Codzienny», No. 153, 1868 г., с. 4.

⁷ О последнем происшествии сообщила «Варшавская Полицейская Газета», 1873, No. 115, с. 3.

турецких сладостей Исаака Саломоновича Фуки и Вениамина Исааковича Прика, которые оба начинали в Варшаве в табачной торговле, первый – у Дурунчи и Шишмана, второй – как представитель фабрики турецкого табака и папирос братьев Коген из Киева.

Караимы в Варшаве не создавали отдельной официальной общины и подчинялись в это время Таврическо-Одесскому караимскому духовному правлению (ТОКДП). В 1890 году Иосиф Иосифатович Каплановский, Исаак Саломович Фуки и Вениамин Исаакович Прик были среди основателей караимского кладбища в Варшаве. Кроме них, кладбище финансировали Савелий Осипович Кефели, Исаак Ильич Казас, Яков Саломонович Фуки, Самуил Саломонович Коген, Борис Абрамович Ага. Как видно, в этой группе только Каплановский не караим из Крыма. Архивные документы ТОКДП 1890 года об основании кладбища показывают, что в то время в Варшаве проживали и другие крымские караимы: Шемарья Саломонович Фуки, Марк Самуилович Каракоз, Илья Ависаломович Ормели, Мойсей Исаакович Чегиртке, Самуил Исаакович Пембек, Овадия Семенович Прик, Давид Осипович Оксюз, Илья Ольгафраммович Аппак, Самуил Маркович Мумджи⁸.

На страницах варшавской прессы мы можем найти рекламу или предлагаемые товары караимских фабрик Отоман, Саатчи и Мангуби, Братев Шапшал, Мичри, Майкапар, Айваз, Габай, Рофе, Туршу, Стамболи. Интересно отметить, что одни из них предлагают свою продукцию исключительно через караимских купцов, товары других – тоже через местных еврейских, немецких и польских посредников. И наоборот, со временем некоторые караимские купцы становятся независимыми и предлагают в своих магазинах табачные изделия многих компаний, как караимских, так и не караимских.

В варшавской прессе мы находим следы деятельности не только караимских купцов из Крыма. Активны и предприниматели из Вильно, такие как упомянутый выше И. И. Каплановский, а также и Самуил Гречный, единственный известный нам табачный купец из Луцка. Караимы были активны и в других сферах, таких как вышеупомянутое производство турецких сладостей, но и медицинские услуги – примером объявление акушерки С. Бабаджан с 1906 года⁹. Интересной фигурой является Шимон (Семен Осипович) Хорченко из города Троки, который начинал помощником И.И. Каплановского, а затем в течение 30 лет открывал собственные табачные магазины, занимался торговлей различными товарами и общественной деятельностью в христианских торговых ассоциациях в городе.

В Варшаве также жили караимы студенты, чиновники, врачи, военные. Два караима защитили докторскую степень в Императорском Варшавском университете. Хотя данные, представленные в настоящее время на виртуальной карте, касаются в основном людей, связанных с производством и торговлей.

Таким образом, в исходных данных мы находим упоминания не только о табачных купцах из Крыма, но и о торговцах другими товарами, а также о караимах из джыматов расположенных ближе Варшавы.

Новая информация об историческом присутствии караимов в Варшаве на рубеже XIX и XX веков с подробным описанием сферы деятельности, адресов и других данных на виртуальной старой карте – отличный инструмент для использования во время интеграционных мероприятий посредством вебинаров, лекций, информационно-

⁸ ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 504, л. 1: *По ходатайству караимов проживающих в гор. Варшаве о выдаче удостоверения на право приобретения места под кладбище.*

⁹ «Kurjer Warszawski», 1906, No. 315, с. 11.

интеграционных встреч, расширяющих знания о наследии караимов.

По мере продолжения исследования истории присутствия караимов в Варшаве в XIX – начале XX веков в будущем планируется предоставить новую информацию по этой теме и постоянно расширять тематический охват виртуальной карты на сайте www.mapy.karaimi.eu.

Петров-Дубинский О.В. (Москва)

Серая Шапшал – выдающийся хранитель культуры и языка крымскокараимского народа

Seraya Shapshal - an outstanding guardian of the culture and language of the Crimean Karaim people

Можно быть уверенным, что нет сегодня ни одного крымского караима, кто бы не слышал о Серая Марковиче Шапшале. Этот выдающийся караимский деятель XX-го столетия оставил огромный след в исторической памяти крымскокараимского народа. Он был крупнейшим знатоком истории, обычаев, традиций, языка и культуры караимов. Всю свою жизнь Серая Маркович посвятил науке и своему народу. Шапшал был не только учёным-востоковедом, преподавателем и избранным Гахамом (Патриархом) крымских караимов, но и собирателем предметов быта и уникальных раритетов, касающихся жизни караимов, которые составили потом экспозицию основанного им этнографического караимского музея в литовском городе Тракай.

Серая Шапшал родился 8(20) мая 1873 г. в семье Почётного гражданина Бахчисарая Марка Шапшала и был его последним 12-ым ребёнком. Всего через 9 месяцев после рождения мать умерла, и его воспитанием занялись старшие сёстры. До 11 лет Серая учился в караимской приходской школе (мидраш) в Симферополе. Затем его старший брат Михаил (Мошака), владевший в Петербурге конюшней скаковых лошадей, забрал Сераю в столицу для получения полноценного образования. Но из-за неважного знания русского языка ему пришлось начинать учёбу с ремесленного училища и далее с младших классов частной гимназии. Так что в Петербургский университет на отделение Восточных языков он поступил только в 21 год.

Уже в студенческие годы Серая Шапшал начал серьёзно интересоваться вопросами истории и культуры караимского народа. В 1896 г. он написал первую свою работу на караимскую тему «Караимы и Чуфут-кале в Крыму». Тогда же публикуются в периодической печати того времени и некоторые другие его статьи на караимскую тему. В 1890-х же годах Шапшал знакомится с крымско-татарским просветителем Исмаилом Гаспринским. Они уже тогда задумались над созданием музея тюркской культуры на Чуфут-кале. Но в то время им не пришлось воплотить свою мечту в жизнь. В построенном в 1890-х г. на Чуфут-кале Общественном доме, в котором не раз потом принимали самых высоких персон Российской империи, часто посещавших крепость, помещения для музея почему-то не было предусмотрено.

После окончания с отличием университета по курсу арабско-персидско-турско-татарского языков в 1899 г. Серая был призван на один год на воинскую службу и попал в Бахчисарайский резервный батальон. Отдав воинский долг, Шапшал вернулся на родную

кафедру Петербургского университета и, занявшись преподавательской деятельностью, стал готовиться к защите профессорского звания. Одновременно Серая ещё со студенческих лет активно занимался общественной деятельностью. Он активно сотрудничал с мусульманским благотворительным обществом, в котором заслужил большое уважение большинства его членов и особенно руководства за свою преданность родному крымскокараимскому народу и уважение к его древней культуре, языку и традициям.

Именно тогда в конце 1900 года в Университет поступил от Персидского посланника в России запрос на характеристику Шапшала и предложение откомандировать его в Тавриз в распоряжение наследника персидского престола Мухаммеда-Али, управлявшего провинцией Южный Азербайджан, для обучения его русскому языку. Так Серая Шапшал оказался в Персии, где он прослужил в итоге 7 с половиной лет, снискал большое уважение и доверие Мухаммеда Али, занявшего в Тегеране престол умершего отца и ставшего под Новый 1907 год Персидским шахом. Он присвоил Шапшалу чин генерал-адъютанта и назначил его министром двора. Вернулся в Петербург Серая Маркович уже в августе 1908 г., имея все высшие награды Персии и золотое оружие – подарок Мухаммед-Али-шаха за его спасение во время покушения на шахскую карету революционеро-бомбистов весной 1908 г.

С собой Шапшал привёз не только наградное оружие и богатые подарки, но и много старинных и печатных материалов по истории тюркских народов и уникальную коллекцию раннеперсидских изображений (икон) святых, что в то время априори считалось невозможным. Эти иконы прятались в домах персов от посторонних глаз и были недоступны и неизвестны европейским учёным-востоковедам. Доклад Сераи Марковича на эту тему в Российском обществе востоковедов произвёл подлинную сенсацию.

Совмещая преподавательскую деятельность в Университете и работу переводчиком тюркских языков при Российском МИДе, Шапшал много внимания уделял и своим соплеменникам - караимам Петербурга. А при любой поездке в родной Крым всегда помогал своим землякам решать их насущные вопросы. Уже тогда он начал собирать предметы быта караимов, старинные книги и рукописи, записывал много караимских слов и выражений, изучал обычаи и традиции своего древнего народа, занимался благотворительной деятельностью. Одновременно по поручению Правительства, МИДа и лично государя Императора Серае Марковичу немало времени приходилось уделять персидскому экс-шаху Мухаммеду-Али, который после его свержения в Тегеране в августе 1909 г. нашёл прибежище со своим двором в черноморской Одессе. Известен случай, когда Император Николай II весной 1914 г. встречался в Одессе с экс-шахом. И третьим среди них был в качестве переводчика и советника Серая Шапшал. При этом он никогда не упускал возможности встретиться и с караимами Одессы.

15 мая 1915 г. выборщики от всех караимских общин большинством голосов избирают Сераю Марковича Шапшала своим Гахамом – главой Таврического и Одесского караимского духовного Правления. Церемония посвящения проводится на Кале согласно всем старинным традициям и караимским обычаям. В караимской истории это был первый гахам с высшим образованием и весьма высокого положения в обществе и при Дворе. После его избрания и утверждения в должности губернскими властями был составлен план посещения караимских общин и других неотложных дел и мероприятий. За 4 года во главе крымскокараимского джамаата Шапшалу удалось сделать много конкретных и полезных свершений для своих соплеменников. В Евпатории была открыта знаменитая караимская

библиотека «Карай-Битиклиги» и при ней этнографический музей. С 1917 г. стал издаваться журнал «Известия Таврического и Одесского караимского Духовного Правления». Также в память о своей матери Шапшал создаёт богадельню Ярдам и при ней амбулаторию.

Надо учесть, что на эти годы пришлось исторические, и по большей части, трагические события. Уже шла кровавая мировая война. В Крыму были организованы госпитали для раненых и врачи-караимы принимали самое деятельное участие в их лечении. Караимские молодые мужчины призывались в армию и уходили на фронт. А в 1917 году грянули одна за другой две революции. Вскоре началась гражданская война, и кровавый террор захлестнул всю страну, включая и многонациональный Крым.

Шапшал едва не погиб от рук красных комиссаров и других погромщиков и был вынужден в 1919 г. по настоянию караимского Духовного Правления тайно покинуть Крым, перебравшись на Кавказ и оттуда уже в Турцию. Всю собранную им коллекцию материальных и духовных предметов, касающихся культуры крымских караимов, сохранила от разгрома его жена Вера Экиз и потом уже при первой же возможности перевезла морем к мужу в Константинополь.

В Турции Серая Шапшал быстро адаптировался к революционным переменам и реформам, проводившимся Кемалем Мустафой Ататюрком. Кстати, лишь в 1934 г. турки получают фамилии и Национальное собрание республики присваивает ему фамилию «Отец Турков» и законодательно запрещает кому-либо ещё носить фамилию Ататюрк. Шапшалу приходится заниматься различными делами: от переводчика в крупном банке до работ по каталогизации султанской библиотеки во дворце Топкапы. Одновременно он помогает лингвистической комиссии в реформе турецкого языка и в создании Турецкого лингвистического общества, занимавшегося очищением турецкого языка от арабских и персидских заимствований. Благодаря Сергею Марковичу в турецкий язык было введено 330 караимских слов, наиболее точно выражавших смысл удаляемых иностранных аналогов.

Не забывает Шапшал и своих караимских сородичей – иммигрантов из красной России и помогает им всем, чем может. Он поддерживает связи с местной караимской общиной, продолжает заниматься исследовательской деятельностью востоковеда и публикует свою новую работу о караимах и другие статьи на тюркскую тематику.

В 1928 г. караимы Литвы и Польши избирают Шапшала своим Гаханом. Завершив свои дела в Турции, Серая Маркович переезжает в Вильнюс, и начинается новый этап его жизни, полностью посвящённый служению своему народу и науке. Об этом периоде есть немало воспоминаний наших караимских старейшин. В 30-е г.г. Шапшал уже разменял 60 лет, но он полон сил и энергии, посещает все караимские общины Европы, в том числе и самую большую - парижскую. Преподаёт тюркские языки в Высшей школе экономики в Вильнюсе и в предчувствии страшных событий новой войны едет в Берлин с доказательствами тюркского происхождения крымских караимов.

6-го июля 1938 г. в Тракае гахан Серая Шапшал в присутствии многочисленных гостей устанавливает закладной камень под фундамент будущего здания караимского музея. Сбывается мечта всей его жизни. Но её реализации помешало начало 2-ой мировой войны. Летом 1940 г. Литва становится советской республикой и входит в состав СССР. А ровно через год фашистская Германия нападает на Советский Союз, и Литва на долгие 3 года оказывается под властью оккупационного режима. Именно в это страшное время караимам помогли сохраниться как этнос предвоенные усилия Шапшала и других видных караимов Европы по доказательству тюркского происхождения караимов. В эти

тяжелейшие 3 года оккупации Шапшал оказывает своим соплеменникам всестороннюю поддержку и защиту от произвола оккупационных властей. Чудом удаётся ему спасти и свою коллекцию караимских раритетов, которые потом составили основу экспозиции будущего музея.

Окончание строительства здания музея пришлось уже на советское время. Шапшалу шёл восьмой десяток лет, но он продолжал активно заниматься наукой в должности старшего научного работника при Литовской Академии наук. Совместно с известными тюркологами Н.Баскаковым и А.Зайончковским стал готовить к изданию своё собрание караимских слов, которые собирал многие десятилетия. Но увидеть выход в свет в 1974 г. задуманного ими «Караимско-русско-польского словаря» ему уже не пришлось.

Жизненный путь Сераи Марковича Шапшала закончился в Вильнюсе 18 ноября 1961 г. на 89-м году жизни, которую он всю без остатка посвятил своему народу и науке. Он оставил после себя множество трудов по караимике, востоковедению и языкознанию, уникальный этнографический музей караимской истории и культуры в литовском Тракае и светлую память в сердцах всех, знавших его. А знают и помнят Сераю Марковича Шапшала во многих уголках нашей большой планеты как одного из выдающихся сыновей малого, но древнего караимского народа.

Баккал Е.Г. (Севастополь)

Итоги последних лет работы Севастопольского караимского общества и ближайшие цели и задачи

The results of the last years of the Sevastopol Karaites Society and the immediate goals and objectives

Сав болынъыз, достларым!

Здравствуйте мои друзья!

Севастопольское караимское общество “Фидан” создано 6 июня 1998 г. В настоящее время состоит из более 60 человек. Общество входит в состав Ассоциации национально-культурных обществ Севастополя (АНКОС), которая объединяет 33 общества.

Участвуя в общественной жизни АНКОС, караимское общество Севастополя ведёт работу по сохранению культурного наследия нашего народа.

В первую очередь это сбор материалов – литература, архивные материалы, предметы быта. Мы надеемся, что это в дальнейшем послужит для создания экспозиции в нашем обществе или постоянно действующего раздела в одном из музеев Севастополя.

Мы также поддерживаем общение и участвуем в мероприятиях, проводимых караимскими обществами Симферополя, Евпатории, Бахчисарая, Феодосии.

Говоря о сохранении культурного наследия следует отметить, что достаточно проблематично охватить все аспекты, которые понимаются под этим широким понятием. Ведь это и возрождение народных традиций, обрядов, ремесел, национальной кухни, сохранение караимского языка, восстановление национальных святынь и придание им статуса памятников, обеспечение условий для общения молодежи и создания караимских семей.

Просветительская деятельность среди широких групп населения. Что делает и наше общество выступая в школах, вузах, библиотеках.

Поэтому, по нашему мнению, занимаясь отдельными задачами, каждая караимская община делает вклад в общее дело сохранения культурного наследия. И только объединив наши усилия можно получить достойный результат.

Последние пять лет наши усилия были направлены на использования цифровых технологий в вопросах сохранения культурного наследия.

Так в 2016 году была сделана работа по оцифровке архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша. Часть архива которого был передан его семьей нашему обществу. Об этом докладывалось на прошлой конференции в сентябре 2019 года и подробно представлено в сборнике материалов работ севастопольского общества за период 2015-2019 годы. Поэтому не буду отнимать время. О дальнейшем развитии этого направления я скажу ниже.

Отмечу только, что среди документов архива имеется молитвенник 1737 года – первое печатное издательство в Крыму в Кале во время Фаттах-Гирей хана (Рис. 1).

Рис. 1 Молитвенник, 1737 г.

А также две меджума, которые еще требуют своего перевода (Рис. 2).

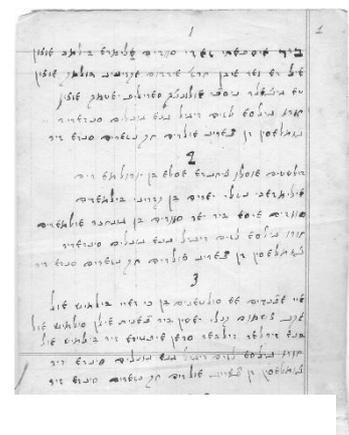

Рис. 2 Меджума

Вторым большим направлением стала оцифровка и создание 3D-моделей памятников севастопольского караимского некрополя. Эту работу мы ведем с 2017 года и планируем завершить ее в декабре этого года. Об этой работе также говорилось на прошлой конференции. Стоит отметить, что в 2019 году были разработаны предварительные редакции каталогов памятников и эпитафий караимского кладбища. Создано 3D-модели 262 памятников. Расшифровано и переведено 146 эпитафий, в том числе 66 двуязычных или выполненных только древнееврейским шрифтом.

На сегодняшний день всего оцифровано порядка 400 памятников. построена цифровая карта-схема некрополя, которую создали на основе аэрофотосъемки, уточняющая расположение памятников. Обновлено нумерация памятников.

Полностью переработана таблица типов памятников и надгробий. Некоторые типы требовали детализации, как например не был учтен тип надгробия, называемый по классификации П.И. Кеппена¹⁰ «безрогая гробница», который хоть и в небольшом количестве, но все же на некрополе имеется (Рис. 3). Или так называемые цветники они есть в большом разнообразии и требуют отдельной классификации. Другие памятники выделены в отдельный тип неправомерно (взрослый и детский однотипные памятники). При этом мы максимально учитывали уже созданную типологизацию.

Рис. 3 «безрогая гробница»

В ряде случаев отмечалось на старом плане два памятника, в то время, как на самом деле это один и тот же только разрушенный памятник. Несколько примеров этого типа памятников представлены на фото ниже (Рис. 4, Рис. 5, Рис. 6)

¹⁰ Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.С. 29-30.

Рис. 4 Разрушенный памятник. Верхняя часть сброшена

Рис. 5 Текст эпитафии на верхней сброшенной части памятника

Рис. 6 Сохранившийся, не разрушенный памятник

Если говорить языком цифр, то для построения 3D-моделей памятников сделано свыше 100 тысяч фотографий.

Отмечен, к сожалению, и ряд невозвратных потерь. Памятники, указанные на план-схеме кладбища, созданной еще в 1990 году разрушены или не обнаружены.

Кроме того, в ходе работ в 2020 году были выявлены и переведены новые эпитафии. Таким образом можно считать, что переведены практически все эпитафии.

3D-модели памятников выставляются нами на интернет-ресурсе SketchFab и доступны в виде виртуальной экспозиции. Над ней мы еще работаем, дополняем, уточняем.

Также мы планируем подготовить и издать книгу о севастопольском караимском некрополе, как это сделано, например, по кладбищам Феодосии и Галича.

Хочу отметить, что выполнение упомянутых работ стало возможным благодаря государственной поддержке со стороны Правительства Севастополя. На средства, полученные в результате такой поддержки мы смогли приобрести необходимое оборудование – мощный компьютер, специализированное программное обеспечение, фототехнику.

Кроме этого, общество постоянно ведет работу по популяризации караимской культуры. Только в 2019-2020 годах были созданы несколько видеоматериалов и опубликован ряд статей в СМИ как об уже упомянутых проектах по работе с архивом и памятниками, так и на другие темы.

Так женщины общества приняли участие в TV-проекте «Я Женщина», результатом которого стал большой часовой фильм. Совсем недавно создан ролик-видеопрезентация севастопольского караимского общества.

Эти материалы доступны на видеохостинге YouTube. Материалы о деятельности общества постоянно публикуются на сайте севастопольского национально-культурного центра (<http://сгнкц.рф/>).

Мы постоянно участвуем в мероприятиях других национально-культурных обществ Севастополя, объединенных в АНКОС.

Как мы видим ближайшие цели и задачи:

Это развитие и завершение уже упомянутых работ по архиву Д.М. Гумуша путем объединения материалов Севастополя и Евпатории, где хранится часть архива. Мы этот вопрос обсуждали с евпаторийским обществом и надеемся выполнить такую работу совместно.

После завершения оцифровки памятников будет создан каталог памятников и эпитафий. Далее мы надеемся уже совместно с Управлением охраны объектов культурного наследия Севастополя инициировать работу по обеспечению сохранения, восстановления и музеефикации некрополя. Надеемся на помощь в этой работе и со стороны других караимских обществ.

Новыми важными на наш взгляд направлениями являются:

1. Проведение переписи каримов. Как известно в 2021 году будет проводиться общероссийская перепись населения. Во-время ее проведения впервые за всю историю переписей будет задан вопрос о том, какие языки мы используем. Он был включен в переписной лист для того, чтобы получить точные сведения об использовании национальных языков народов России.

В 2002 году караимами уже проводилась перепись по инициативе Ассоциации «Крымкарайлар». Мы хотели бы поставить такой вопрос: Нужно ли, не подменяя государственную перепись, провести дополнительно опрос среди караимов для уточнения не только реального числа наших соплеменников, но и ответив на ряд других вопросов. А именно, знание традиций, обрядов, языка, своей родословной.

2. Язык – его сохранение. Очень сложный вопрос. Здесь нужны общие усилия. Что сегодня делается – есть летняя школа в Тракае, воскресные школы, самообразование. Но этого мало. Мы видим одно из направлений развития в создании интерактивного мультимедийного курса изучения караимского языка с использованием методического пособия «21 урок караимского языка», подготовленного Мелитопольским караимским обществом. Это может привлечь молодежь. Нами разработан проект технического задания на такую работу. Но это только первый шаг. Еще раз подчеркну задача невероятно сложная. Решать ее нужно сообща.

3. Деятельность современных караимских общин – это тоже история. И ее нужно сохранять. В обществах накапливается большой объем информации о современной жизни. Мероприятия, протоколы собраний и заседаний правлений, документы передаваемые семьями, документы, фотографии и артефакты хранящиеся в караимских семьях. Все это требует систематизации, обработки и сохранения для будущих поколений. Нам кажется такая работа была бы полезной.

4. Караимские семьи. Мы видим здесь такое направление работы как создание генеалогических деревьев караимских семей. Нами начата подготовка проекта под рабочим названием «История и генеалогия караимских семей Севастополя», который подразумевает выполнение работ по изучению истории семей караимов и создание генеалогических деревьев родов караимов Севастополя. Уже есть некоторые наработки и понимание как его развивать. Есть пробные построения деревьев (Рис. 7, Рис. 8). В 2020 году была подана заявка на конкурс президентских грантов, но, к сожалению, не добрали баллов. Вот примеры построения деревьев и информации о семьях.

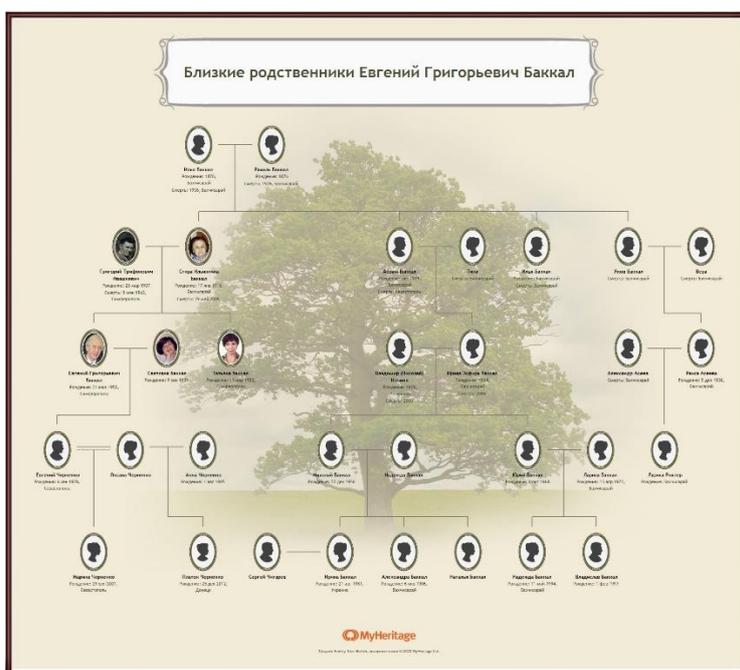

Рис. 7 Пример генеалогического дерева семьи

Рис. 8 Семейная статистика

5. Говоря о семьях напрашивается еще одно направление – сохранение национальных традиций в караимских семьях (обряды, кухня, быт) как объект сохранения национальной идентичности.

6. И еще одно направление, которое мы планируем развивать – это создание мультимедийного гида по караимским местам. Для начала на примере Севастополя (и развитие его на другие маршруты Евпатория, Бахчисарай и т.д.).

И последнее что хотелось бы отметить – мы считаем, что назрел вопрос создания единого центра караимов России, для общей координации работ. Об этом говорят и караимы Санкт-Петербурга и в других общинах.

Завершая свое выступление, хочу выразить надежду, что наша конференция может стать площадкой, объединяющим центром для регулярного обмена мнениями, дискуссий и обсуждения результатов работ всех караимских общин и специалистов по всем направлениям сохранения культурного наследия нашего народа. Ведь не секрет, что очень многое держится на энтузиазме отдельных представителей. А что будет дальше как все сохранить. Давайте об этом думать вместе.

Дубровская М.Ю. (Новосибирск)
Песенный музыкальный фольклор крымских караимов на современном этапе: актуальные проблемы собирания, изучения и популяризации

Song musical folklore of Crimean Karaites at the present stage: topical problems of collection, study and popularization

Ключевые слова: исследование музыкального фольклора крымских караимов, собирательская деятельность, источники, экспедиционные записи Авраама Кефели, Сиври Синэк Саз, современное бытование

Аннотация статьи: Фундаментальная научная проблема, которой посвящена статья - исследование ключевых феноменов традиционного музыкального творчества

крымских караимов, внесших весомый вклад в историю музыкальной культуры России. Новизна и актуальность исследования определяется малой изученностью музыкального наследия крымских караимов, неотложными задачами изучения современного состояния их культуры. Значимость проекта заключается в исследовании памятников музыкальных традиций караимов и создании фонда образцов записей, осуществленных в соответствии с современными техническими и научными требованиями, обладающих качествами достоверности, репрезентативности и сопоставимости. Осуществление проекта актуализируют процессы критического сокращения численности этноконфессиональной группы караимов - одного из самых малочисленных коренных народов Крыма. Изучение современного состояния, итогов собирательской деятельности, путей решения проблем сохранения песенного и танцевального фольклора, этнографических коллекций материального культурного наследия крымских караимов позволит расширить научную базу данных и уточнить научные позиции отечественного искусствознания в классификации явлений традиционного достояния крымских караимов в контексте бытования их культурного наследия в РФ на современном этапе.

Issues of collecting, studying and popularizing the musical folklore of the Crimean Karaites

Keywords: musical folklore research of the Crimean Karaites, gathering activities, sources, expedition records of Abraham Kefeli, Sivri Sinek Saz, modern existence.

The Station is aimed at the fundamental scientific problem – research of key phenomena of traditional musical creativity of the Crimean Karaites, who made a significant contribution to the history of Russian musical culture. The novelty and relevance of the study is determined by a small study of the musical heritage of the Crimean Karaites, urgent tasks of studying the current state of their culture. The significance of the project lies in the study of musical traditions of Karaites monuments and the creation of a Fund of the recordings samples made in accordance with modern technical and scientific requirements, with the qualities of reliability, representativeness and comparability. The processes of a critical reduction in the number of ethnic and religious groups of Karaites – one of the smallest indigenous peoples of the Crimea actualizes the implementation of the project. Study of the current status, the results of the collection activities, the solutions to the problems of preservation song and dance folklore, the ethnographic collections of material cultural Crimean Karaites heritage will expand the scientific database and clarify the scientific position of the national art in the classification of the phenomena of the Crimean Karaites traditional heritage in the context of their cultural heritage in the Russian Federation at the present stage.

В современном бытовании многонационального музыкального фольклора Российской Федерации сохраняется немало проблемных зон: к ним относится проблема бытования музыкально-культурного наследия ряда коренных народов Крыма. Предмет настоящей статьи – бытие фольклорного наследия самого малочисленного в мире тюркоязычного этноса, караимов, которые продолжают критично сокращаться на крымской земле.

Неравнодушие к судьбам данной уникальной этнокультуры в контексте происходящих историко-культурных процессов побудило автора настоящей статьи,

музыковед-востоковед, в течение ряда лет совершать исследовательские поездки в места компактного проживания караимов в Крыму. Экспедиционные поездки, осуществленные нами в 2016 году (Евпатория), в рамках гранта РГНФ-РФФИ № 17-04-18017 в 2017 году (Евпатория, Феодосия, Симферополь) и в 2019 году (Севастополь), имеющие целью сбор научной информации и полевого материала – песенного фольклора караимов – для дальнейших этномузыкологических и этнографических исследований, доказали крайнюю злободневность подобной работы, так же, как и необходимость принятия множественных мер по сохранению тех рудиментов национальной музыкальной традиции караимов, которые еще сохранились на Крымском полуострове, хотя и в чрезвычайно редуцированном виде. Заметное угасание активного бытования караимской народной песенности оказалось напрямую связано с уходом старшего поколения носителей традиции.

Песенный музыкальный фольклор, свод произведений, исполняемых на караимском языке, – крымском диалекте тюркских языков кыпчакской группы, безусловно, является показателем своеобразия и самодостаточности крымско-караимской музыкальной культуры. Исторические причины – миграция нескольких крымско-караимских родов на Украину (Мелитополь), в Литву (Тракай) и Польшу (Галичина), эмиграция после Октябрьской революции во Францию (Париж, Ницца, Марсель), Великобританию, США, Канаду и эвакуация крымских караимов из мест их постоянного проживания в период Великой Отечественной войны – определили рассеянность мелкодисперсных групп представителей этого народа также по огромным территориям СССР, в том числе, Казахстану, Узбекистану и др. В силу этого проблематика сохранения и современного бытования караимской фольклорной песенности на постсоветском пространстве входит в сферу интересов международного этномузыкознания.

Проведенное автором настоящей статьи обследование сложившейся в Крыму ситуации обусловило ясное осознание того, что исследование фольклорного музыкального наследия крымско-караимской общины (в наши дни насчитывающей около 535 представителей) представляет собой чрезвычайно актуальную научную задачу и для российских этномузыкологов. По результатам нашей полевой работы в Крыму в рамках названных экспедиций приходится констатировать: в наши дни органическое знание родного песенного наследия демонстрировали только самые пожилые представители диаспоры (около 90 лет). Так, например, было в ходе экспедиционной поездки летом 2017 года, когда состоялись незабываемые встречи с патриархом караимской общины г. Евпатории, Почетным председателем духовного правления караимов Крыма, Давидом Моисеевичем Элем (22.12.1928 – 29.11.2018). Выдающийся караимский общественный и религиозный деятель, сопредседатель Межконфессионального совета Крыма «Мир — Дар Божий», почётный председатель Межконфессионального совета Евпатории «Мир. Согласие. Единство», дважды лауреат премии им. Дувана, участник Великой Отечественной войны, Почетный гражданин Евпатории, он в свое время был прекрасным исполнителем караимских народных песен и танцев, о чем убедительно свидетельствуют фото и аудио-материалы (Рис. 9).

Рис. 9 В ходе интервью Д.М. Эля М.Ю. Дубровской, г. Евпатория, 15.07.2017 г.

Встречи и беседы с другими представителями диаспоры показали, что в памяти поколения восьмидесяти-восьмидесятичетырехлетних караимов, проживающих в Крыму, традиция весьма редуцирована. По свидетельству респондентов, а также публикациям современных крымских ученых, депортация в 1940-е годы крымских татар фатально сказалась на бытовании в Крыму караимского языка, близкого крымскотатарскому, и, следовательно, тюркоязычного песенного фольклора крымских караимов.

Что же касается более младших представителей диаспоры, то, как показали наши изыскания, они на современном этапе либо вообще не владеют фольклорной песенной традицией, либо, как правило, частично представляют *восстановленную традицию*, реанимированную усилиями национально-культурных объединений, кружков, фольклорных ансамблей и др. Представляется, что в описанной ситуации, которую без сомнения следует назвать кризисной для бытования караимского песенного фольклора, данную тенденцию – изучение восстановленных традиций – стоит всячески приветствовать и поддерживать, в том числе, на государственном уровне.

В этой связи на фоне катастрофического уменьшения этноса и угасания его народного творчества особенно ценной является, по нашему глубокому убеждению, деятельность духовных и культурных объединений караимов в гг. Евпатория, Симферополь, Феодосия и др. Именно благодаря их активной работе, в частности, НККО «Кардашлар» (г. Евпатория), в единственных действующих на территории РФ евпаторийских кенасах не только регулярно проходят богослужения, но и проводятся традиционные обряды, отмечаются все караимские праздники. Уникальный в своем роде, функционирующий с 1999 года под патронажем «Кардашлар» Караимский ансамбль песни и танца «Фидан» («Росток») широко известен в Крыму и за его пределами, на территории Украины, в

тюркском мире. Его деятельность является, на наш взгляд, ведущим фактором сохранения и популяризации фольклорного наследия крымских караимов на современном этапе¹¹. Юные танцоры и певцы «Фидан» придают каждому знаковому традиционному мероприятию в жизни караимской общины национальный музыкальный колорит. Об успешном продвижении творчества «Фидан» не только в крымскую, но и в общероссийскую музыкальную действительность повествует в своей статье председатель правления НККО «Кардашлар» Д.В. Габай, принимающий самое активное участие в деле сбережения и развития национальных традиций своего народа [1].

В ежегодном летнем фестивале «Вечера на Караимской» традиционно выступает Караимский ансамбль песни и танца «Фидан», г. Евпатория, август 2020 г. Источник: КрымPRESS (Рис. 10).

Рис. 10 Караимский ансамбль песни и танца «Фидан», г. Евпатория, август 2020 г.

В связи с этим представляется, что насущными задачами современного российского этномузыкознания являются наблюдение и изучение условий бытования традиционного музыкального достояния крымско-караимского населения, а также разработка мер по сохранению его музыкального фольклора. Проведенные нами изыскания показали, что отечественной гуманитарной наукой в сфере исследований художественной культуры караимов именно ныне бытующее музыкальное наследие описано в наименьшей степени. На вопиющих проблемах малой исследованности народного музыкального творчества крымских караимов в последние годы неоднократно заострялось внимание в научных публикациях автора настоящей статьи [2, 3, 4, 5, 6, 7]. В числе невосполнимых потерь национальной культуры нами констатировалось и практическое исчезновение традиционного инструментального музицирования караимов.

В упомянутых статьях М.Ю. Дубровской уже подвергались описанию и анализу труды многих собирателей и популяризаторов народной песни караимов Крыма, в том числе, ряда российских и зарубежных ученых, караимских просветителей, например:

¹¹ Характерно, что за отсутствием на территории Крыма исполнителей на караимских народных инструментах, выступления ансамбля «Фидан» проходят под аккомпанемент «минусовок», представляющих собой обработки фольклорных напевов.

композитора и фольклориста А. Кефели, «печальников и радетелей о сохранении национального музыкального наследия караимов» Б.С. Ельяшевича, А.С. Балджи, А. Ходжи и др.

Однако приходится сознавать, что еще не все страницы истории собирательской и исследовательской деятельности в сфере народного музыкального творчества крымских караимов описаны и вошли в орбиту российской музыкальной науки, сконцентрируемся на некоторых из них.

Так, первые попытки восполнить зияющий пробел в области знаний о музыкальном фольклоре караимов Европы и России приходится на начало-середину XX в. Исследованием музыкальных традиций караимов на Западе с середины XX в. занимаются такие ученые, как: И. Хиршберг, который сосредоточен на проблеме караимского музыкального фольклора как на возможности поддерживать традицию и самоидентификацию караимских общин в США, на Ближнем Востоке и в других странах; К. Фиркявичюте, которая анализирует литургические и паралитургические тексты караимов Литвы и Восточной Европы; Р. Коллендер, разрабатывающая проблему сохранения и инновации народной музыки караимов, а также литургических и паралитургических песен, проводя параллели между вариантами исполнения в разных общинах по всему миру, в том числе и Крыму; караимский композитор А. Кефели, который последовательно занимался собиранием и записью фольклора караимов Крыма, создавая академические обработки литургических, паралитургических и народных песен; Л. Дж. Уэйнбергер, который в своей статье на примере анализа около 35 произведений караимских литургических текстов обращает внимание на преемственность восточноевропейской караимской литургической традиции с византийской и испано-еврейской и особенное место уделяет семантическим, семиотическим и лингвистическим особенностям поэтики караимских авторов. Подобными проблемами занимаются и другие европейские, израильские и американские гебраисты.

Труды данных этномузыкологов, без сомнения, имеют чрезвычайно важное значение для осмысления историко-культурного контекста предмета настоящей статьи. Однако названные авторы рассматривают преимущественно религиозное достояние (литургические и паралитургические песнопения) караимов, например, К. Фиркявичюте в ряде публикаций [14,15], при чем зачастую в русле музыкальных традиций иудаизма. В качестве показательных примеров стоит также привести книгу Дж. Ласкера [19] и статью Р. Коллендер [18]. Заметим в этой связи, что в проблематике караимской народной музыки западных ученых интересует, в первую очередь, наследие караимов, проживающих за рубежами России, в частности, в Галичине (Польша) и Тракае (Литва). Они лишь минимально касаются вопросов собирательства и изучения народных песен караимов Крыма.

В этом контексте наиболее близкой проблематике настоящей статьи представляется недавняя публикация известного литовского ученого (с караимскими корнями) Карины Фиркявичюте [16], которая издает труды по тематике музыкального наследия литовских караимов уже около двадцати лет. Хотя в этой работе рассматриваются образцы песенного фольклора, бытующие в среде караимов Тракая (Литва), но благодаря приведенным в сборнике нотировкам песен имеется возможность провести сравнительные исследования с образцами, бытующими в РФ. В частности, особое внимание привлекает опубликованная в числе других произведений песенного фольклора караимская Песня о Севастополе, насколько известно, отсутствующая в других собраниях, в том числе, наиболее полном,

принадлежащем А. Кефели.

Научный интерес представляют также последние публикации польского ученого (с караимскими корнями), доктора теологии Варшавского университета Анны Сулимович, в частности, её статья [21], в которой она рассматривает несколько караимских родовых книг меджума, и другая её работа [20], в которой автор повествует о переписке симферопольского караима, знатока национального музыкального фольклора, Иосифа Кефели (1900–1976), с соплеменником Ёзефом Сулимовичем, проживавшим в Польше. В статье первично исследуются рукописи И. Кефели, содержавшие осуществленные в конце 1920-х – в 1930-е гг. записи популярных фольклорных напевов, пословиц, поговорок и театрализованных сценок караимов.

Таким образом, следует полагать, что при наличии ряда перспективных трудов западная наука в настоящее время еще не вышла на системные исследования народного песенного наследия крымских караимов.

Подробный документально подтвержденный анализ сложившейся ситуации в российском гуманитарном знании относительно рассматриваемой проблематики был осуществлен в 2016-2018-е годы автором настоящей статьи. В наших публикациях, в том числе, в научных журналах, рецензируемых ВАК РФ были сделаны попытки выявить наиболее серьезные проблемы изучения, публикации и современного бытования народных песен караимов Крыма, определить конкретные задачи, пути и методы сохранения имеющегося фонда, в частности, в «Архиве традиционной музыки» специалистами кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки; была введена в российский научный обиход новая достоверная информация о предмете исследования. Одной из основных проблем бытия фольклорного песенного наследия караимов Крымского полуострова в данных статьях было обозначено отсутствие научных публикаций результатов собирательской деятельности отечественных фольклористов, хотя было известно, что по итогам своей многолетней полевой экспедиционной работы в Крыму известный российский и израильский музыкант, газзан караимов г. Ашдода, Авраам Кефели составил весомое собрание музыкального фольклора караимов, которое однако в тот период еще не было издано.

Сегодня отрадно сознавать, что описанная ситуация кардинально изменилась. Произошло важное событие: около двух лет назад в РФ наконец вышел из печати долгожданный первый в истории собирательства музыкального фольклора крымских караимов фундаментальный сборник «Сиври Синэк Саз» (г. Симферополь) [9]. В нем автором, Авраамом Кефели, в настоящее время безусловно являющимся крупнейшим собирателем-фольклористом национального музыкального наследия¹², использованы, кроме личных полевых записей и транскрипций, осуществлявшихся с 1990-х годов, также уникальные подлинные музыкальные материалы, собранные энтузиастами сохранения караимской культуры на территориях РСФСР и УССР в 1930-х – 1970-х годах.

Собирание данных коллекций и огромный личный вклад автора – фольклориста-музыковеда и ученого-караиста – сделали сборник А. Кефели беспрецедентным явлением как по охвату жанровой системы, так и в плане репрезентативности представленных в нем произведений народного музыкального творчества крымских караимов. В данном сборнике

¹² Публикационная активность А. Кефели – собирателя и ученого – весьма велика, приводим лишь небольшую часть его изданий: [8;9;10;11;12;13;17].

содержатся образцы всех бытовавших еще в первой половине XX века жанровых сфер музыкального фольклора народа, подразделенных на два класса: первый – это песни, исполняемые в определенное время, при определенных обстоятельствах (*агаваты* (колядные песни), свадебные песни, поминальные песни), образующие, если пользоваться принятой в отечественной фольклористике терминологией, жанры приуроченного фольклора; второй класс – песни, исполняемые в любое время, при любых обстоятельствах (исторические песни, гимны, песни-посвящения, лирические, шуточные песни, частушки, инструментальные мелодии, *кьонушма йырлары* (песни к танцам), танцы, можно классифицировать в качестве жанров неприуроченного фольклора.

Всего Авраамом Кефели впервые в истории собирательства народной музыки крымских караимов опубликовано 199 образцов песенных и танцевальных (инструментальных) произведений. При этом, отдельным достоинством данного издания является то, что нотные транскрипции и паспортизация фольклорных произведений выполнены А. Кефели в соответствии с современными требованиями к публикациям фольклорных сборников. Принимая же во внимание факт заметного уменьшения активного бытования традиции в наше время, следует особенно высоко оценить историческое значение данного труда.

Немалую ценность также представляют опубликованные в данном сборнике воспоминания А. Кефели о творческих контактах с респондентами – замечательными знатоками, хранителями и исполнителями караимского песенного фольклора, представляющие живописную хронологию многолетней собирательской деятельности автора в ходе составления им этого уникального собрания. В предисловии к Сборнику описаны личные встречи Кефели с народными исполнителями, с которыми ему посчастливилось общаться. Приведены выдержки из статей о национальном музыкальном фольклоре, написанные караимскими авторами начала двадцатого века. Немаловажно, что прослежена параллель с другими крымскими этносами: в частности, дано сравнение с фольклором крымских татар и греков-урумов.

О тщательности и сложности проделанной А. Кефели работы свидетельствует обнаружение им, в частности, бесценной коллекции М.Я. Береговского. Моисей Яковлевич Береговский (1892 – 1961) – советский музыковед и исследователь еврейского фольклора, сделал нотные записи от газзана (габбая) Киевской караимской общины, А.С. Койлю, в г. Киеве в 1933 году: им были зафиксированы караимские народные песни и литургические мелодии. Также по просьбе М.Я. Береговского А.С. Койлю составил записки «О быте караимов», которые были изданы А. Кефели в 1998 году отдельной брошюрой. Нотные записи М.Я. Береговского были очень качественными и почти безукоризненными, хотя в подстрочных текстах, по мнению А. Кефели, иногда попадались ошибки. Это было обусловлено тем, что сам М.Я. Береговский, вероятнее всего, не знал караимского языка. Некоторые нотные записи и вовсе не содержали текста. В этом случае, как и в других подобных, А. Кефели была проделана необходимая редакция.

В результате осуществленной автором-составителем данного сборника кропотливой работы по редактированию и публикации указанной коллекции современному исследователю крымско-караимского музыкального фольклора предоставляется возможность сделать целый ряд интереснейших умозаключений относительно стабильных и мобильных параметров во временном бытовании фольклорной песенности этого народа. Так, даже посредством проведения первичного сравнительного анализа песен из коллекции

М.Я. Береговского с образцами, записанными более чем полвека позднее, нельзя не отметить определенную временную динамику: некоторое упрощение мелодико-ритмической составляющей караимских песен. Эта тенденция вполне возможно явилась производной отличий исполнительского профессионализма киевского газзана А.С. Койлю от любительского исполнения народных песен замечательными самодеятельными певицами Р.Л. Шпаковской, Т.М. Мангуби, А.С. Балджи и др.

Таким образом, следует полагать, что только после выхода из печати труда А. Кефели у российских этномузыковедов наконец-то появилась полноценная возможность приступить к исследованию основного массива крымско-караимского музыкального фольклора. По всей вероятности, упор будет делаться на песенные и танцевальные традиции, которые, на наш взгляд, являются ключевыми составляющими народной музыкальной культуры крымских караимов на современном этапе.

В контексте описанной проблематики весьма редуцированное бытование крымско-караимской фольклорной песни представляет отдельную проблему современной музыкальной жизни Крымского полуострова. В контексте имеющих сходную природу кризисных явлений музыкальных культур малых народов России одним из средств, способствующих изменению сложившейся ситуации в положительную сторону представляется восстановление традиции посредством явлений *фольклоризации*, которая реально может содействовать сохранению и популяризации народной песенной культуры караимов Крыма.

Самобытный характер музыкальной составляющей этнокультуры крымских караимов – этого небольшого даровитого народа, всегда отличавшегося редкой жизнестойкостью, должен подвигнуть российских и зарубежных ученых к системному изучению данного феноменального явления. Этот почин, безусловно, подарит нам значительно более полное представление о творчестве одного из уникальных коренных народов Крыма и обогатит научную базу отечественной фольклористики.

Список литературы

1. Габай Д. Караимский ансамбль "Фидан": 20 лет в национальном колорите Крыма // Евпаторийская здравница, 2 августа 2019 г., С. 8. <http://e-zdravnitsa.ru/index.php?area=1&p=news&newsid=19729>

2. Дубровская М.Ю. Изучение музыкальной культуры караимов Крыма на современном этапе: к постановке проблемы (материалы X научно-практической конференции «Пилигримы Крыма», г. Симферополь, 29-30 октября 2016 г.) // Крымский архив. Симферополь, 2016. №4 (23). С.23-33.

3. Дубровская М.Ю. К вопросу изучения этногенеза крымских караимов // От голоса к инструменту: феномен звука в традиционном наследии тюркоязычного мира: Материалы V симпозиума исследовательской группы «Музыка тюркоязычного мира» (21-23 апреля, 2016). (Министерство культуры и спорта Республики Казахстан, Казахская национальная консерватория им. Курмангазы). Алматы, 2016. С.329-340.

4. Дубровская М.Ю. К изучению музыкального наследия крымских караимов: коллекция Анатолия Хаджи // Вестник музыкальной науки № 3 (17) 2017. НГК им. М.И. Глинки. Новосибирск, 2017. С. 59-67.

5. Дубровская М.Ю. К проблеме сохранения песенного фольклора крымских караимов // Вестник музыкальной науки №4 (18), 2017. НГК им. М.И. Глинки. Новосибирск,

2017. С. 100-106.

6. Дубровская М.Ю. Сбор полевых источников по традиционному музыкальному наследию крымских караимов // Крым в истории, культуре и экономике России: Аннотированный каталог научных изданий, исследований, экспедиций и конференций, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ / Сост.: Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская. М.: Российский фонд фундаментальных исследований, 2018. С.112-114.

7. Дубровская М.Ю. Традиции российского востоковедения в деятельности кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки // Вестник музыкальной науки № 1 (11) 2016. - НГК им. М.И. Глинки. - Новосибирск, 2016. С.6-13.

8. Кефели А. Проблематика современного композиторского подхода к музыкальному фольклору. Пути поиска на примере караимского фольклора // Израиль XXI. – Июнь, 2008. – № 10. URL: <http://www.21israel-music.com/Karaims.htm/>.

9. Кефели А. Сиври Синэк Саз. Сборник музыкального фольклора крымских караимов. Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2018. 432 с.

10. Кефели А. Традиционная музыкальная культура крымских караимов. URL: <https://pandia.ru/text/77/364/60131.php>

11. Кефели А. Традиционная музыкальная культура караимов // Відродження. – 1997. – №3. С. 28-30.

12. Кефели А. Традиционная музыкальная культура караимов и ее окружение // Сходознавство. 1998. №3-4. С. 98-111.

13. Кефели А. Традиционная музыкальная культура караимов // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, изд. Ростовской гос. конс. им. С. В. Рахманинова, 1999. С. 224-245.

14. Firkavičiūtė, K. Karaim Minority in Lithuania: Recent Research about Ancient Music // *Manifold Identities: Studies on Music and Minorities*. London, 2004. Pp. 262-271.

15. Firkavičiūtė, K. Research on Karaim/Karaite Religious Music. *New Horizons // Acta Orientalica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2015. Vol. 68 (2). Pp. 241-247.

16. Firkavičiūtė, K. *Życie w pieśni karaimskiej (Life in Karaim Songs)*. Wrocław, Bitik & LMiTA, 2016. 235 p.

17. Kefeli, A. Karaim's Folk Songs & Music. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL46249E123903F5B4>

18. Kollender, R. Karaite Jews Musical Tradition / Jewish Musical Research Centre. URL: <http://www.jewish-music.huji.ac.il/content/karaite-jews-musical-tradition>

19. Lasker, D.J. Karaism and Christian Hebraism: A New Document // *Renaissance Quarterly*. Chicago, 2006. Vol. 59.

20. Sulimowicz, Anna. A record of the living Karaim folklore of Crimea. The copybooks of Yosif Kefeli // *Almanach Karaimski*. 2016. https://www.researchgate.net/publication/331090549_A_record_of_the_living_Karaim_folklore_of_Crimea_The_copybooks_of_Yosif_Kefeli

21. Sulimowicz, Anna. Motyw myszy w folklorze karaimskim z Krymu. 2017. https://www.researchgate.net/publication/331093563_Motyw_myszy_w_folklorze_karaimskim_z_Krymu

Арабаджи А.Я. (Украина, Киев)

Возникновение, становление и развитие караимской общины в г. Киеве

The emergence, formation and development of the Karaite community in Kiev

Разрешите, прежде всего, выразить огромную благодарность инициаторам и организаторам нашей сегодняшней конференции за предоставленную возможность участвовать в ней. Я также хочу поздравить всех участников с открытием очень важной для нас, крымских караимов, конференции, темой которой является сохранение культурного наследия исчезающего народа, тем более что нам пока ещё есть что сохранять.

Очень жаль, что в этом году всем нам не удалось встретиться в прекрасном городе Севастополе. Помешал «Covid-19». Хочется надеяться, что третья по счету конференция всё-таки позволит всем нам встретиться на родной крымской земле.

Разрешите мне еще представить соучастника от киевской караимской общины Вячеслава Алексеевича из рода Жарновских. Итак, тема моего доклада: **«Возникновение, становление и развитие караимской общины в г. Киеве»**.

История появления в городе Киеве первых караимов относится к середине XIX века, а точнее в 1860 году, когда одним из первых перебравшихся из Крыма, а точнее из города Евпатория, оказался Соломон Аронович Коген, решивший открыть в Киеве собственное дело по производству табачной продукции, так как в этом городе Российской империи в то время совершенно отсутствовала табачная конкуренция, в отличие от территории Крыма.

Соломон Аронович родился в 1830 году в городе Евпатория в семье зажиточного табачного предпринимателя. В возрасте 30 лет, переняв от отца профессиональные навыки в производстве табачных изделий, решил основать своё дело.

Уже на следующий год совместно с единоверцем Шапшалом было основано небольшое табачное производство, а при нём заработал и магазинчик. Производство постепенно развивалось, привлекая к себе всё новых и новых работников из числа крымских караимов, прибывающих сначала из города Евпатория, а после и из других городов, и развилось в крупное преуспевающее предприятие. Шапшал, спустя десять лет, решил выйти из совместной компании, продал свою долю компаньону и уехал в город Петербург, а Соломон Коген успешно продолжил начатое дело.

К 1874 году в городе уже работало восемь табачных фабрик с численностью работающих 327 человек. А уже в 1885 году число фабрик достигло тринадцати, с общей численностью работающих 934 человека. Все эти цифры взяты не из потолка – обо всём этом свидетельствуют архивные документы. Но самыми крупными из всего количества фабрик являлись фабрики Соломона Когена и его родного брата Моисея. На фабрике Соломона Ароновича работало 251 рабочих, а на фабрике Моисея Ароновича, которая была основана в 1863 году, работало 227 рабочих и называлась она «Фабрика Бр. Коген». Третье место по численности занимала фабрика, основанная караимами Исааком Дурунча и Яковом Шишман, на которой работало 36 работающих. Как свидетельство бурного табачного производства в городе Киеве, является вот такой интереснейший предмет караимской материальной культуры – упаковочная жестяная расписная коробка, на которой изображена фотография главного корпуса фабрики с надписью «Фабрика турецкаго табаку и папирос

Соломона Когена в Киеве», её возраст примерно 160 лет (1870 годы).

С самого начала своей деятельности в городе Киеве, Соломон Коген разместил табачное производство в центре города. Вначале это было на ул. Крещатик, 17, в доме аптекаря Густава Зейделя. А по адресу ул. Крещатик, 19, в доме, который принадлежал профессору Ф.Ф. Мерингу, жили Соломон Аронович с женой Эстер Чефаньевной, а также дочь Симферопольского купца Шишмана. В том же доме проживал брат жены – Мордехай Шишман.

Вскоре Соломон Аронович взял себе в компаньоны родного брата Моисея и Мордехая Шишмана и с 1 января 1872 года на основе своей фабрики открыл торговый дом «Коген и Шишман». Но проработали они вместе 4 года и с 1 января 1876 года в фирме остался только один Коген.

Во второй половине 1870-х годов Соломон Аронович развернул табачное производство на новом месте – на улице Михайловской – в двухэтажном доме Поночины. Но там фабрика проработала недолго, так как здание оказалось в аварийном состоянии.

Но ещё в мае 1874 года он приобрёл большую сквозную усадьбу, выходящую своей верхней частью на улицу Ново-Елизаветинскую (сейчас ул. Пушкинскую), 7, а нижний – на улицу Крещатик, 36, где стоял фасадный двухэтажный дом. В январе 1881 г. Соломон Аронович получил разрешение выполнить задуманные им постройки: надстроить 3-й этаж на ул. Крещатик и возвести двухэтажный с подвалом дом на ул. Ново-Елизаветинской. Архитектурный проект выполнил известный в то время Киевский архитектор В.Н. Николаев. К осени этого же года всё было закончено и Коген перевёл свою фабрику на ул. Ново-Елизаветинскую. Позже здесь добавились и другие производственные помещения.

Квартира Соломона с супругой была на втором этаже крещатикского дома, а на первом этаже размещался фирменный магазин.

Его брат Моисей в 1879 г. купил усадьбу по ул. Лютеранской, 6, почти на углу с ул. Крещатик, и построил два двухэтажных дома. Один был предназначен для его табачной фабрики. Позже он построил ещё два корпуса в 3 и 4 этажа. Фабрика на этом месте функционировала очень долго, аж до начала 1930-х годов, а после здесь находились склады, несмотря на то, что это был самый центр г. Киева.

В 1887 году Соломона Ароновича разбил паралич, но своё любимое дело он не оставлял. К этому времени его фабрика стала одним из крупнейших поставщиков табачных изделий в юго-западной части Российской Империи с годовым оборотом 650 тыс. руб. А у Моисея Ароновича было до 400 тысяч руб. В производстве использовался листовой табак, который выращивали в районе города Симферополя, на побережье Ялты, на Кубани, в Сухуми, в Бессарабии, в Македонии и Турции. Сначала табак выдерживался, при этом происходил процесс брожения. Потом сортировался по сортам и подавался в машины для резки и раструски. В основном из него изготавливали папиросы и частично сигары. Гильзы для папирос изготавливали на месте. Профессиями рабочих были сортировщик, крошитель табака, набивщик табака в гильзы, клейщик и упаковщик.

По данным за 1885 г. сортировщики табака работали поденно и получали от 25 до 65 копеек в день, а все остальные специалисты работали сдельно и в месяц зарабатывали от 20 до 60 рублей.

Соломон Аронович, будучи парализованным, продолжал руководить производством, но и не забывал о благотворительности. Он очень любил свою родную

Евпаторию и выделил 150 тысяч рублей на создание в Евпатории ремесленного училища на 40 учеников. А от имени его супруги Эстер Чефаньевны была выделена такая же сумма на создание школы для караимских девушек.

На всех табачных фабриках в г. Киеве в большей степени в качестве работающих набирались караимы, прибывающие из Крыма и других городов Российской империи. Работая в архивах, мне удалось найти списки фамилий караимских семей, проживающих в то время в г. Киеве и входивших в довольно-таки многочисленную общину. Приведу, как пример, ряд фамилий и имён караимов, обнаруженных в списках архивных документов. Может быть кто-то в них узнает своих предков.

- Арабаджи
- Асаба Марк Соломонович
- Асаба Сарра Соломоновна
- Бебеш М. Я.
- Безикович Леон Семёнович
- Безикович Марк
- Бечал- Эль Абрам
- Бобович
- Бурче Илья – Бахчисарайский мещанин
- Давыдов Иосиф
- Джигит
- Дуван Исаак
- Дуван Юфуда Исаакович
- Жарновские
- Кальфа З. А.
- Кальфа С. И.
- Каракоз А. М.
- Кефели Иосиф
- Коген Исаак
- Коген Моисей
- Крым
- Майкапар Ефуда
- Малиновский И.
- Мангуби А. С.
- Мангуби Моисей Самойлович
- Очан
- Пенерджи Моисей Давидович
- Пенерджи Соломон Давидович – Киевский купец 2-й гильдии
- Прик Абрам Авшоломович
- Прик Илья
- Рофе Борис
- Рофе Эмануил
- Савускан
- Сарач
- Сарибан
- Сарри

- Синани
 - Уванай
 - Фенерли Георгий
 - Фуки А.Э.
 - Хаджи
 - Черкес
 - Шакай
 - Шишман Мордехай
 - Шпаковские
 - Эгиз Иосиф Исакович – Киевский купец
 - Эгиз Исаак – купец
 - Эгиз Севастьян
 - Яшиш Ада Абрамовна
- и многие другие.

Отдельно хочется отметить, что в городе Киеве проживал Севастьян Эгиз – один из братьев супруги Серая Марковича Шашмала – Веры Эгиз, он имел медицинское образование и работал врачом-терапевтом, умер в годы войны. Второй её брат Борис Эгиз жил в городе Одесса и был известнейшим художником, его картины разошлись по всему миру.

Нельзя не вспомнить и киевского философа и художника Георгия Фенерли. Можно вспомнить немало караимов, проживающих в городе Киеве, входивших в караимскую общину и имеющих ту или иную известность.

С момента зарождения в Киеве караимской общины, возникла необходимость в наёмном помещении для обустройства в нём молельного зала. Но такое положение продолжалось недолго, и Соломон Аронович выделил средства в 35 тысяч рублей и приобрёл земельный участок под строительство караимской кенасы, на которое ещё было выделено 80 тысяч рублей. Довольно-таки большой участок земли был приобретён на улице Ярославов вал, 7 в самом центре Киева, на котором планировалось возвести здание кенасы, а рядом построить ещё и жилой дом, доходы от которого шли бы на содержание кенасы, общины и благотворительные нужды. В октябре 1898 г. уполномоченный киевского караимского общества Исаак Шишман получил разрешение Думы на строительство кенасы.

В архиве я обнаружил довольно-таки объёмную переписку руководства общины, а также караимских Гахамов к руководству города. Как пример приведу письмо-ходатайство к Киевскому губернатору от имени проживающего в городе Евпатории Таврического и Одесского караимского Гахама Бобовича, а также газзана Савускана по поручению общества караимов, проживающих в городе Киеве, о дозволении им устроить здесь молитвенный дом и при нём школу для обучения своих детей караимской грамоте. Также мне встречались письма-обращения к Киевскому губернатору от имени Таврического и Одесского караимского Гахама Панпулова.

Проект здания караимской кенасы был разработан известным в то время киевским архитектором Владиславом Городецким, уже построившим в Киеве немало интересных зданий. А в этот раз взялся почти одновременно за проектирование совершенно разных по стилю сооружений таких, как караимская кенаса, городской музей, костёл Святого Николая и «Дом с химерами».

Строительство кенасы началось осенью 1898 г. и в течении года была завершено.

Оставалась отделка наружная и внутренняя, но работы затянулись в связи со смертью Соломона Ароновича, которая случилась 16 ноября 1900 года. Газетная хроника того времени свидетельствовала о том, что проводить Соломона Когена в последний путь пришли более трёх тысяч человек, из которых полторы тысячи работники обеих фабрик. Похоронили его на Зверинецком кладбище на караимском участке. К сожалению, могила не сохранилась, так как кладбище во время советской власти было ликвидировано и на его месте раскинулся Ботанический сад Академии Наук Украины.

Своим завещанием Соломон Аронович назначил капитал в 25 тысяч рублей в процентных бумагах для выдачи ежегодно по одной тысяче в приданое молодым караимкам, выделил шесть тысяч рублей для учреждения двух бесплатных кроватей в больнице Мариинской общины Красного Креста, а также предусмотрел средства для окончания строительства кенасы.

И вот 27 января 1902 г. киевская караимская кенаса была открыта и освящена. Газзаном караимской общины стал Иосиф Султинский. На ее освящение прибыл гахам Таврический и Одесский, присутствовало и городское начальство.

Массивное красивое здание, на которое пошло полмиллиона штук кирпича, составило в длину –30м, в ширину –14м и высоту – 18м. Стиль постройки – мавританский. Здание венчал красивый оцинкованный купол со шпилем. Всю лепнину наружного фасада и внутреннего убранства выполнил скульптор Элиа Сала. Внутри здания были вестибюль, две небольшие боковые комнаты и большой молитвенный зал с очень красивыми элементами лепнины в мавритано-арабском стиле. В окна были вмонтированы разноцветные витражи. Здание было оборудовано электрическим освещением и паровым отоплением.

Ввиду того, что в семье Соломона Ароновича детей не было, его табачная фабрика с магазинами отошли к родному брату Моисею, но в 1903 году умирает и он. По наследству управление производством берёт на себя старший сын Абрам Моисеевич. В 1905 г. он преобразовывает фабрику «Соломон Коген» в акционерное общество под тем же названием. Усадьбу по ул. Пушкинской, 7 он продал. Позже он продаёт и усадьбу отца по ул. Лютеранской, 6, но это уже произошло в июле 1918 г., когда фабрики там уже не было. Табачное же производство с улицы Пушкинской было объединено с фабрикой Моисея Ароновича, построенной еще при жизни по Библиковскому бульвару, 72 (сейчас бульвар Шевченко, а точнее проспект Победы).

В 1911 г. было учреждено Акционерное общество табачных фабрик «Соломон Коген» и «Бр. Коген». Табачные магазины были отдельными: «Соломон Коген» – ул. Крещатик, 19 и 36, а «Бр. Коген» – ул. Крещатик, 25 и 29.

Для представления о мощностях производства табачных изделий приведу данные за 1902–1912 г.г. Фабриками было произведено свыше 7 тыс. тонн табака и свыше 4 млрд. штук папирос, всего продано табачных изделий на 29 млн. руб. В 1913 г. ежедневно изготавливалось не менее 2 млн. гильз и 2 млн. папирос, и ещё вручную делали 250 тыс. папирос на заказ по особой технологии. В цехах работали 18 крошильных станков, 62 гильзовых, 58 папиросонабивных, 11 картонажных машин. Имелась собственная электростанция. После национализации бывшие фабрики Соломона и Моисея Коген стали 4-й Государственной табачной фабрикой. На сегодняшний день фабрика ликвидирована, цеха снесены, а на том месте строятся 50-ти этажные высотки.

Караимская кенаса в 1919 г. также была национализирована, а община изгнана. В

здании кенасы изначально размещалось учреждение политпросвещения, потом Дом народов Востока, кукольный театр, кинотеатр «Заря». С 1981 г. переоборудовано под «Дом актёра», который арендует здание у города.

К великому сожалению, в ходе ремонта одновременно с реконструкцией в 1968 г. уничтожен декор зала за счёт наиболее «угрожающих» сталактитовых деталей потолка. Тогда же уничтожена и надпись арабской вязью вокруг портала. А ещё ранее разобрана очень важная и ценная деталь сооружения – уникальный гофрированный цинковый купол, который венчал здание, придавая ему неповторимую красоту, подобный куполам Средней Азии. А ещё ранее была безжалостно уничтожена очень красивая ажурная ограда с калиточкой напротив центрального портала здания. Одновременно с ликвидацией караимской общины, исчезло и хозяйственное отношение к жемчужине Киева – зданию караимской кенасы, хозяева которой понимали во всех тонкостях.

Уникальность караимской общины Киева состоит в том, что все караимские семьи, которые приезжали в Киев на работу на табачные фабрики, старались селиться вблизи уже построенной кенасы, т.е. располагались очень компактно. Этакое компактное проживание помогало в вопросах изучения детьми родного языка, в соблюдении обрядов и обычаев, национальной кухни. Община на протяжении многих десятилетий была очень дружна, отмечались все национальные и религиозные праздники. При этом обязательно использовалась национальная медная посуда, которая конечно же передавалась от поколения к поколению, а привозилась она из родного Крыма. Рецепты уникальной караимской кухни соблюдались неукоснительно и также передавались от родителей к детям. Блюда были очень вкусные, сытные и разнообразные. Караимы Киева часто собирались друг у друга на квартирах. Все в обязательном порядке держали прямую тесную связь с родиной – родным Крымом, со своими родственниками, и в летний сезон ездили в Крым на отдых.

На сегодняшний день караимская община г. Киева живёт, полна сил и оптимизма собираться, решать насущные вопросы, продолжает соблюдать свою культуру, традиции, поддерживает связь с родными Крымом, часто принимает участие в мероприятиях, проводимых в родном Крыму.

Уже почти два десятилетия боремся за возвращение нашей святыни – караимской кенасы. Всё, что удалось добиться – получить разрешение руководства города на пользование помещением в здании кенасы, но на платной основе, т.е. на правах субарендатора. Но, исходя из принципиальных соображений, посоветовавшись коллегиально, приняли решение не давать согласие, но и не отказываться. И далее активно и по праву продолжаем добиваться возвращения здания кенасы согласно законодательству Украины.

Малиновская О.И. (Севастополь)
Национальные некрополи Севастопольского региона.
Проблемы изучения и сохранения

National necropolises of the Sevastopol region.
Problems of study and preservation

Топография Севастополя располагала к тому, чтобы практически одновременно в разных частях города возникли кладбища. Поскольку в состав городского населения входили представители разных национальностей и конфессий (при подавляющем большинстве православного населения), это нашло отражение в конфессиональном разнообразии некрополей Севастопольского региона.

Среди первых некрополей города - кладбище в верховьях Южной бухты, Доковом овраге, старое городское кладбище, Михайловское кладбище Северной стороны и другие. Несомненно, что в окрестных селах, входящих ныне в территорию Севастополя, были свои погосты.

Специальных исследований, посвященных этим некрополям нет, хотя следует отметить, что памятники, оставленные народами, издревле проживавшими на полуострове, привлекали внимание исследователей.

В вышедшей в 1837 г. работе П. Кеппена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» автор рассмотрел основные типы надгробий, встречающихся на татарских, греческих и караимских кладбищах.

Частично эпитафии на памятниках ряда кладбищ города публиковались В.И. Чернопятовым в «Некрополе Крымского полуострова» и дополнении к нему¹³.

Учитывая, что подавляющее большинство населения Севастополя составляли православные, именно этой конфессии относилось большинство кладбищ в городе. Назвать национальными их сложно, поскольку среди православных были представители разных национальностей. Кроме того, в Севастополе никогда не было отдельных католических или лютеранских кладбищ, поэтому на городских кладбищах хоронили представителей всех направлений христианства.

Краеведы полагают, что старое севастопольское городское кладбище на ул. Пожарова – ровесник города. Кстати, самое старое из сохранившихся на нем захоронений принадлежит англичанке Элизабет Софии Мессер, жене капитан-командора Томаса Мессера, умершей в 1812 году. Самое раннее изображение этого некрополя удалось обнаружить на полях английской морской карты, выполненной по русской топографической съемке 1836 года. Кладбище сильно пострадало во время обороны Севастополя 1854-1855 гг. и на сегодняшний день является единственным из сохранившихся первых кладбищ города.

Думается, что первое городское кладбище появилось не в Кладбищенской балке, где расположено старое городское кладбище, а в 3-х верстах от города в верховье Южной бухты. Именно на берегах этой бухты под руководством шотландца на русской службе Томаса Мекензи в 1783 г. были заложены первые каменные строения Севастополя.

¹³ Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. – М., 1910. – 313 с.; Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова. Дополнение к XI т. Записок Московского Археологического Института. Оттиск из XXXII т. ЗМАИ. – М., 1911.

Любопытно, что такой внимательный и тонкий наблюдатель как венесуэлец Франсиско де Миранда, посетивший Севастополь в конце декабря 1786 года и совершивший на шлюпке экскурсию в древний Херсонес, описывая Карантинную бухту, ничего не говорит о городском кладбище, которое должно было хорошо просматриваться на пустынном берегу. В тоже время, обозревая Севастопольскую бухту и порт в Южной бухте, он сразу замечает, что «в глубине имеется памятник или надгробие контр-адмирала Макензи, шотландца по происхождению, начавшего эти работы в 1783 году и недавно умершего здесь. Он сделан из обыкновенного камня и по внешнему виду ничем особо не отличается».¹⁴

Описание Миранды не позволяет однозначно локализовать местоположение памятника Ф.Ф. Мекензи, но, скорее всего, он был установлен на возвышенном отроге массива Зеленой Горки, где на ряде карт первой половины - середины XIX века¹⁵ указывается кладбище, просуществовавшее до начала XX столетия (Рис. 11, Рис. 12). Вероятно, именно оно изображено на литографии Дж. Сатклиффа, сделанной по рисунку подполковника Эндрю и опубликованной в Лондоне в 1856 году (Рис. 13). Во время Крымской войны кладбище оказалось в зоне боевых действий, территория его не раз переходила из рук в руки. Несмотря на ущерб, причинённый войной, захоронения христиан на «кладбище, что во Южной бухте», судя по записям метрических книг, продолжались и в 1870-х годах. Но уже к концу XIX века захоронения на кладбище почти не производились.

Рис. 11 Фрагмент Плана города Севастополя 1837 г.

¹⁴ Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. - М.: МАЙК «Наука / Интерпериодика», 2001. – С. 58.

¹⁵ План города Севастополя 1837-го года февраля 29-го // ГААРК. Ф. 377. Оп. 16. Д. 36. 1 л.; Plan of the Siege of Sebastopol by the Allied Armies in 1854-5// National Library of Australia. Maps Digital Collection. URL: <http://nla.gov.au/nla.map-rm345> (дата обращения: 22.05.2020).

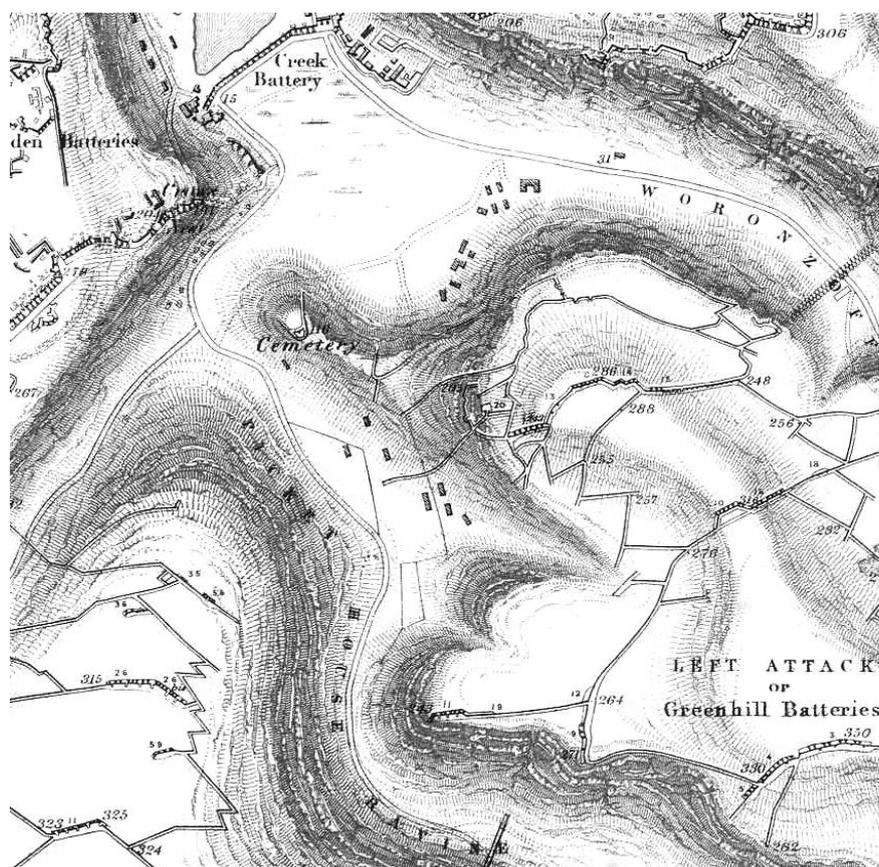

Рис. 12 Фрагмент английской карты 1858 г.

В 1911 году в связи с расширением железнодорожной станции «Севастополь» встал вопрос о передаче территории старого, закрытого к тому времени кладбища, Министерству путей сообщения. В это время некрополь занимал площадь 600-700 кв. сажен. Характеризуя его состояние, севастопольский благочинный Павел Пересыпкин в 1912 году отмечал, что закрытое около 30 лет назад кладбище оказалось в городской черте. Будучи неогороженным, оно постоянно подвергалось хищениям: «крестов на нём нет, многие памятники уворованы, а некоторые разрушены; осталось немного надгробных плит, вросших в землю».

Вероятно, одновременно с кладбищем в верховьях Южной бухты возникло и кладбище в Доковом овраге, где хоронили жителей Корабельной стороны и моряков, скончавшихся в Севастопольском морском госпитале, располагавшемся до Крымской войны на восточном берегу Южной бухты. Кладбище пострадало в дни первой обороны города, но и позднее, в начале XX в., его санитарное состояние вызывало постоянные нарекания. Судя по немецкой аэрофотосъёмке от 4 августа 1943 г., по-видимому, большая часть территории кладбища была разбита местными жителями под огороды¹⁶. Окончательно оно было засыпано при строительстве в 1985 г. в Доковом овраге спортивного комплекса Севастопольского морского завода (ул. Брестская, 21).

¹⁶ URL: <http://www.wwii-photos-maps.com/aerialsevastopol/TUGX2316SG-040843/slides/TUGX2316SG-040843--067.html> (дата обращения: 22.05.2019).

Рис. 13 Литография Эндрю. Вид на кладбище в Южной бухте с № 11 батареей. 1856 г.

Известно, что в многонациональном Севастополе до Крымской войны существовали наряду с христианскими кладбищами некрополи представителей других конфессий.

Небольшое татарское кладбище, с почитаемой окрестным населением могилой азиза (святого), находилось в Инкермане на плато у стен крепости. Существовали мусульманские кладбища и в окрестных деревнях, но в самом Севастополе, где татарское население было незначительным, кладбища, вероятно, не было. В 1820-х годах, по просьбе служивших во флоте матросами поволжских татар, рядом с морским госпиталем, к югу от него, была построена мечеть¹⁷. По-видимому, именно поэтому со временем здесь образовалась слободка, названная Татарской (топоним сохранялся на картах до 1910-х годов). Там же на Корабельной стороне возникло и магометанское кладбище. Определить точное его местоположение пока не удалось, но упоминания о нем неоднократно встречаются в мемуарах участников Первой обороны Севастополя, вынужденных во время ночных вылазок прятаться от вражеских пуль за его памятниками. В своих воспоминаниях Д.И. Никифоров, сражавшийся на Малаховом кургане, писал: «...в течение ночи за татарским кладбищем вправо от нас против 3-го бастиона выросла какая-то насыпь...». Далее встречаем: «Так мы спустились с правого фланга Малахова кургана и направились через татарское кладбище к батарее «Виктория»¹⁸.

Косвенное подтверждение существования на Корабельной стороне мусульманского кладбища содержится в заметке, опубликованной представителями севастопольского мусульманского общества в газете «Крымский вестник», где говорится, что до 1902 года в Севастополе не было мусульманского кладбища и захоронения производились на Корабельной стороне, в балке¹⁹. Возможно, речь идет об одном из ответвлений Докового оврага.

¹⁷ Зотова О.А. Севастопольский морской госпиталь в зеркале реформ морской госпитальной части (конец 20-х – начало 50-х гг. XIX века) // Вестник морского врача. – 2010. – № 10. – С. 24.

¹⁸ Никифоров Д. И. Кавказ и Севастополь. – М., 1901. – 22, 30, 31.

¹⁹ Письмо в редакцию // Крымский вестник. – 1905, 18 января, № 16. – С. 4.

В 1890 году турецкий вице-консул в Севастополе Ракканье Эффенди обратился к руководству города с просьбой о необходимости выделении места для мусульманского кладбища²⁰. В 1905 г. ходатайство об этом ещё одного турецкого консула в Севастополе – Нуреддин-бея завершились созданием мусульманского кладбища рядом с комплексом христианского, еврейского и караимского кладбищ (Рис. 4). В 1905 году пожертвования на обустройство кладбища, в том числе и от многочисленных мусульман-паломников, отправлявшихся в Мекку из Севастопольского порта, принимались в местном турецком консульстве²¹.

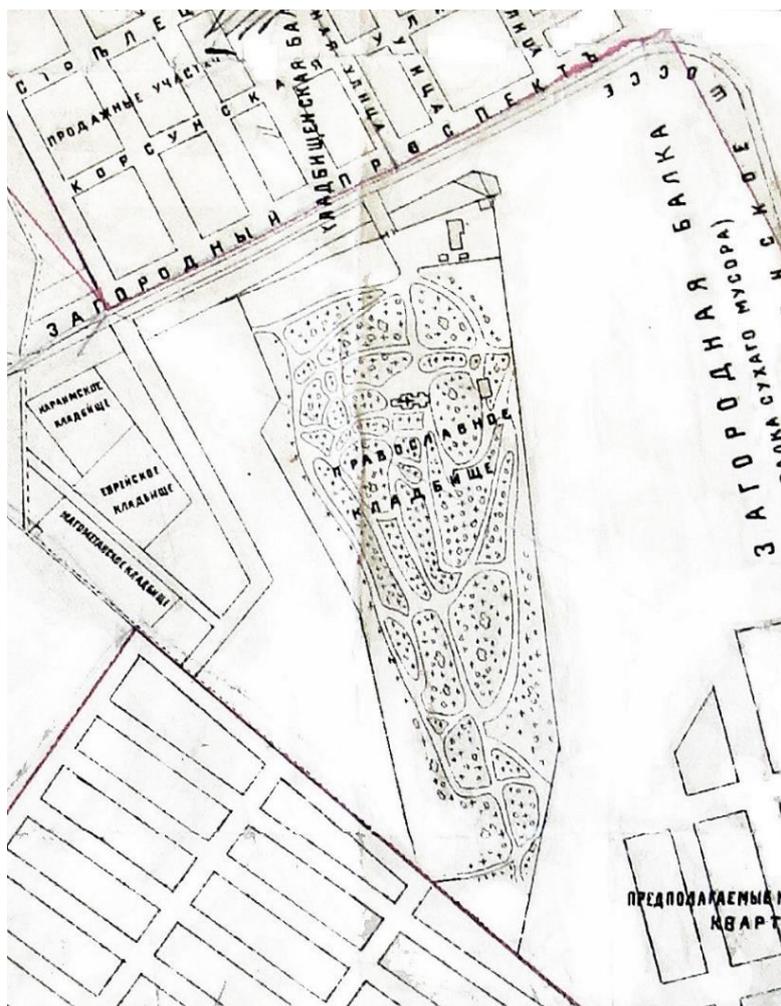

Рис. 14 Фрагмент плана Севастополя кон. XIX - нач XX в.

Севастопольское мусульманское кладбище, как и все татарские кладбища в селениях Севастопольского региона, было ликвидировано после депортации в мае 1944 г. из Крыма татарского населения. Единственный фрагмент надгробной плиты с этого некрополя удалось обнаружить при обследовании старого севастопольского городского кладбища (Рис. 15).

²⁰ Крымский вестник. – 1890, 1-31 мая.

²¹ Крымский вестник. – 1920, 2 мая, № 93 (9784).

Рис. 15 Фрагмент надгробной плиты с мусульманского кладбища. Фото О. И. Малиновской.

Было в Севастополе до Крымской войны также иудейское кладбище, но его локализация пока неясна и требует дополнительных исследований. Севастопольский историк В. В. Крестьянников полагал, что оно располагалось на высоте Сахарная головка в районе Пересыпи (территория железнодорожного вокзала). Источником является «Описание обороны Севастополя» 1854-1855 гг., написанное её участником Жандром. Однако документального подтверждения этому найти пока не удалось. Напротив, на ряде карт на указанной высоте показано христианское кладбище, судя по применяемой в топографии системе условных обозначений некрополей разных конфессий. Это упоминавшееся мною выше кладбище «в Южной бухте», записи о захоронениях на котором велись в метрических книгах Петропавловской церкви вплоть до 1870-х годов.

После Крымской войны рядом с Севастопольским общественным кладбищем появились еврейское и караимское кладбища. Устройство их на этом месте связано с требованиями законодательства Российской империи, согласно которому иноверческие кладбища сооружались в едином комплексе с православными.

В 1990-е годы по заказу Управления Коммунального хозяйства Севастополя группой исследователей в составе В.В. Крестьянникова, Г.Я. Бедаревой и В.Г. Шавшина проводилось обследование ряда городских кладбищ. Выполнялась топографическая съемка местности, составлялись схемы захоронений, списки похороненных на них (по эпитафиям на памятниках) по участкам и в алфавитном порядке. Одновременно с этим велась работа с источниками по истории некрополей.

Еврейское кладбище

Некрополь занимает площадь 1,74 га. В настоящее время сохранилось 1772 могилы, 1190 надгробных памятников 10 типов. Самое раннее захоронение датируется 1866 годом. 10 июля 1905 г. в центре кладбища был освещен кладбищенский дом – часовня,

разрушенный в дни обороны Севастополя 1941-1942 годов.

Караимское кладбище

Караимское кладбище у Карантинной бухты появилось одновременно с еврейским. Площадь его составляет 1,3 га. До недавнего времени считалось, что самое раннее захоронение датируется 1863 годов, однако обследования, проведенные членами Севастопольского караимского общества «Фидан» позволили уточнить нижнюю границу появления здесь караимского некрополя, сместив её до 1851 года. Сохранилось около 715 могил, 405 надгробных памятников 15 типов.

Некрополи у Карантинной бухты сильно пострадали во время землетрясения 1927 год и катастрофического ливня, разразившегося 1 апреля 1928 года. Потоками воды в Рудольфовой горы была размыты промоины глубиной в рост человека.

Удар по кладбищам Севастополя нанесла и компания по сбору стратегического сырья, развернувшаяся по всей стране в начале 1930-х годов. Все могильные памятники на кладбищах проходили регистрацию в Управлении коммунального хозяйства. Утилизации подлежали бесхозные и разрушенные надмогильные памятники и сооружения, при этом снос целых памятников, даже не прошедших регистрацию, категорически запрещался. Однако на практике утилизация проходила с вопиющими нарушениями норм действующего законодательства и положений Инструкции «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников». Усугубляли ситуацию спущенные сверху совершенно нереальные нормативы изъятия штучного камня и металла. Сама разборка памятников из мрамора, гранита и другого камня проводилась столь варварски, что значительная часть материалов была обесценена, превращена в обломки и щебень, так что хозяйственный эффект от этой кампании был невысок.

Вот что писал в газету «Известия» 8 сентября 1935 г. севастополец И. Ильешевич: «Так, в частности, в г. Севастополе совершенно разгромлено караимское (нацменьшинств) кладбище, оттуда увезены все памятники из белого мрамора, плиты мраморные разбиты, ограды поломаны. На мой вопрос заведующему кладбищем (русским) по чьему распоряжению произведено искажение могил – он ответил «по распоряжению Горсовета» причем добавил, что мрамор якобы понадобился для метро в Москве и т.д. Я усомнился в этом, т.к. в Крыму достаточно мраморных разработок, чтобы ломать памятники на кладбищах, к тому же в мизерном количестве. Потом я узнал, что белый мрамор понадобился для колонн в зале парткома по ул. Ленина № 5. Неужели для этого не нашлось другого мрамора?»

Во всяком случае следовало бы произвести расследование по чьему распоряжению произведен разгром караимского кладбища в г. Севастополе и виновных привлечь к ответственности»²². Случай хищнического изъятия памятников и надмогильных сооружений с караимского кладбища г. Севастополя работниками Севгорсовета стал предметом расследования специальной комиссией, но результаты его в архивном деле отсутствуют.

В годы Великой Отечественной войны вдоль ограды караимского кладбища появились свежие могилы тех, кто погиб при непрерывных бомбежках и обстрелах. Это хорошо видно на немецкой аэрофотосъемке мая 1942 года (Рис. 16). Скорее всего имена погибших в те дни навсегда останутся нам неизвестными. Захоронения на караимском и

²² ГАРК. Ф, Р-663. Оп. 18. Д. 51. Л. 27.

еврейском кладбищах были продолжены после войны.

Рис. 16 Немецкая аэрофотосъемка 1942 г. 1 - христианское_ 2 - караимское_ 3 - еврейское_ 4 - мусульманское кладбища.

Оба кладбища были закрыты 1 марта 1965 года. После этого какое-то время захоронения представителей этих национальностей производились на Старом севастопольском городском кладбище, а затем, на кладбищах 5 км Балаклавского шоссе. Вскоре после этого Решением исполкома Севастопольского горсовета от 18.04.1967 г. было поручено изготовить проект озеленения этих некрополей. Вопросы благоустройства этих некрополей неоднократно рассматривались заседаниях горсовета. Они являются объектами культурного наследия Севастополя.

К сожалению, метрические книги иноверческих церквей Севастополя не сохранились. Поэтому исследование этих некрополей представляют особый интерес, как подчас единственный источник сведений о севастопольских караимах.

Помочь уточнить время и место появления севастопольских кладбищ разных конфессий могли бы также картографические материалы, хранящиеся в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Все это говорит о том, что давно назрела необходимость комплексного обследования этих некрополей. Тем весомере работа, которую в последние годы выполняет Караимское общество «Фидан» по сохранению памятников караимского кладбища в Севастополе.

Терещук Н.М. (Севастополь)

Переписи населения второй половины XIX в. как источник изучения сведений о севастопольских караимах

Census of the second half of XIX century as a studying source of information about Sevastopol Karaites

Особенность Крыма и Севастополя состоит в том, что благодаря своему географическому положению, состав его населения отличается исключительным разнообразием.

Крымское сообщество имеет немало позитивных примеров многовекового совместного проживания различных этносов, представителей разных культур и конфессий. И для формирования гражданского демократического общества важным является изучение их культурного многообразия. В настоящее время история караимского народа активно исследуется. Несмотря на общеизвестные факты, отдельные эпизоды караимской истории являются постоянными объектами для исследований. В данном случае делается попытка обобщить сведения о количестве караимского населения во второй половине XIX в.

Источниковую базу составляют две переписи, которые были проведены: региональная в 1886-1887 гг. и всеобщая государственная, проведенная в 1897 году.

Перепись населения является единственным специально созданным источником для сбора демографической информации. Это уникальный фактологический и информационный источник, без которого невозможна дальнейшая работа изучения той или иной этнической группы.

Материалы переписи являются объектами специальных источниковедческих работ и широко используются в исторических исследованиях. Из последних работ следует обратить внимание на работу Д.А. Прохорова «Статистика караимского населения Российской империи в конце ХУШ – начале ХХ вв.»²³ в которой проанализированы как дореволюционные источники, так и советского и постсоветского периода и приводятся данные о статистике караимского населения в России.

Но из многих материалов раннего периода трудно вычлнить статистические сведения о севастопольских караимах. И это не случайно, так как с момента основания город имел особый статус и не всегда статистические сведения о представителях нацменьшинств отражались в обобщенных материалах Таврической губернии. В первую очередь Севастополь являлся крепостью и военно-морской базой, и его история писалась как военная история. Не случайно в конце ХУШ - начале XIX в. при разделении Таврической области, а затем губернии на уезды, Севастополь был безуездным городом.

Ограничения проживания в Севастополе евреям в 1829 году не коснулось караимов. В городе в этот период существовала караимская община. Доказательством этому является тот факт, что представители караимского населения участвовали в работе городского общественного управления.²⁴ Но количество караимов, проживавших в тот период в Севастополе неизвестно. В Военно-статистическом обозрении Российской империи

²³ Прохоров Д.А. Статистика караимского населения Российской Империи в конце ХУШ – начале ХХ вв. // МАИЭТ. Выпуск ХУП, 2011, с.634-705

²⁴ Терещук Н.М. Участие караимов в городском управлении Севастополя в XIX – начале ХХ в. // Материалы XXI Международной ежегодной конференции по иудаике. Академическая серия. Выпуск 50. М. 2014, с.157

приводятся данные о караимах, проживавших в Таврической губернии в количестве 3 400 чел, но не указано, сколько их проживало в Севастополе.²⁵

Конкретные сведения о количестве караимов, проживавших в Севастополе после Крымской войны обнаружены в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) в фонде Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) (ф.241). В сводной ведомости указывалось, что по данным на январь 1858 года в Севастополе проживало 177 караимов (69 муж и 69 жен).²⁶ Эти сведения приведены только по местной общине. В 1861 году для составления общегубернского статистического отчета духовное правление представило сведения, что в Севастополе проживало 268 местных и иногородних караимов (134 муж. 134 жен.).²⁷ Через два года по сведениям из Новороссийского календаря на 1865 год, раздел «Иноверцы в Новороссийском крае и Бессарабии в 1863 г.». в Севастополе проживало 116 муж. и 105 жен., т.е. 221 человек караимской общины.²⁸ Затем длительное время конкретные данные о севастопольских караимах отсутствуют.

Несмотря на то, что проводившиеся ранее ревизии и переписи носили скорее характер «казенных полицейских «народосчислений», тем не менее они позволяли узнать количественные данные о населении.

После отмены крепостного права в 1861 году и проведении земской реформы в 1864 году, активизацией строительства гражданского буржуазного общества, а в Севастополе это еще был период восстановления города после Крымской войны появилась потребность в точном учете населения и хозяйств. Именно в этот период в империи началась подготовка к научно организованной переписи. Она велась длительное время. В 1886 году по сведениям региональной газеты «Севастопольский листок» сообщалось, что «Дело общей народной переписи, оставленное без движения в течение нескольких лет, должно подвинуться вперед. Центральный статистический комитет окончил подготовительные работы, и план переписи будет в скорости внесен на утверждение надлежащей власти. Может встретиться задержка в ассигновании правительственного кредита по делу организации самой переписи, на что потребуются значительные средства.»²⁹

Несмотря на подготовку в государстве всеобщей переписи, в период возрождения Севастополя у городского общественного управления появилась потребность иметь хозяйственно-статистические сведения о населении города и его постройках. Городская управа внесла на рассмотрение думы доклад о необходимости провести перепись и 8 августа 1886 года дума рассмотрела этот вопрос. Сведения о заседании думы были опубликованы 13 августа 1886 года в газете «Севастопольский листок», которая сообщила своим читателям, что «г. городской голова доложил о крайней необходимости для управы собрать посредством однодневной переписи в городе различные цифровые данные, как, например, о числе квартир в городе, о числе жителей (мужчин, женщин и детей) и проч. Различные местные учреждения как канцелярия градоначальства, таможня, управление железной дороги и др. уже изъявили, по словам головы, согласие отпустить для производства этой переписи на один день несколько своих служащих, а начальство

²⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. СПб, 1849, с.104

²⁶ Прохоров Д.А. Статистика караимского населения Российской империи в конце ХУІІІ – начале ХХ вв. // МАИЭТ. Выпуск ХУІІ, 2011, с.653

²⁷ Там же, с.654

²⁸ Там же, с.654-655

²⁹ Севастопольский листок, 1886, 22 сентября, № 125, с.3

реального училища обещало испросить разрешения у г. попечителя учебного округа на отпуск для этой же цели учеников. Дума постановила предоставить исполнение этого дела городской управе».³⁰

Не просто было собрать команду счетчиков, так как многие считали, что перепись будет проводиться ночью и в будни. 30 сентября 1886 года городская управа собрала участников проведения переписи и городской голова Ф.Н. Еранцев объяснил, что перепись будет проводиться днем в выходные дни, город был разбит на кварталы и каждый счетчик будет обслуживать свой квартал. Счетчикам были выданы нужные бланки и ведомости, а также открытые листы на право входа в частные дома.

К этому следует добавить, что в Севастополе подобная перепись проводилась впервые, подобного опыта еще не было, и городская управа обратилась в Санкт-Петербургскую городскую управу с просьбой прислать образцы бланков. Получив образцы бланков, 6 октября 1886 года Севастополь приступил к переписи: сначала дворов и строений, затем населения. Учитывая специфику Севастополя, а именно то, что город еще не полноценно возродился после Крымской войны, в бланк был внесен пункт о наличии развалин во дворе. Всего же в Севастополе было зафиксировано 2268 дворов, в которых насчитывалось 4699 строений.³¹ Если первая часть переписи дворов и строений была проведена быстро, то перепись населения по ряду причин затянулась. И для этого было несколько причин. Сначала следовало обработать уже составленный материал, затем решили не проводить в зимнее время перепись населения, кроме того, «немалочисленный пришлый люд» зимой уезжает из Севастополя на родину. И еще одна причина та, что за работу по переписи ответственным был член городской управы Видеман, а к концу года в городской думе было много работы, в том числе подготовка городского бюджета представляемого на рассмотрение думы.

Поскольку для Севастополя это была «новизна дела», то некоторые вопросы вызывали затруднения, особенно вопросы по распределению населения по занятиям. К вопросу относились с недоверием, подозрительностью и давали подчас довольно неопределенные ответы, такие как, «мастерской», «служащий», «работает в агентстве», «государственная служба» без обозначения военная или гражданская, или «служебные занятия». Иногда ответы записывали как «служит у Базова», «работает у Лященко», «занимается у г. Раканье». Но так как Севастополь небольшой город, то эти ответы были вполне понятны: первый – означает торгового приказчика, второй – слесарного мастера, а третий – канцелярского служащего, так как приведенные имена и род занятий этих лиц были хорошо известны в городе. Из чего был сделан вывод, что к вопросу «чем занимается данное лицо» следовало добавить «и где оно занимается или у кого служит?»

Какие же итоги переписи в части касающихся караимского населения? Всего в Севастополе в 1886 году проживало гражданского населения 24 953 не считая 8000 нижних чинов, состоящих на действительной службе.³² Из этого количества жителей 611 были караимы, т.е. 2,5%. Из 611 севастопольских караимов 10 человек были дворяне (этот факт требует дополнительного исследования), 76 - почетные граждане (12,4%) Купцов было 84

³⁰ Заседание думы 9 августа. // Севастопольский листок, 1886, 13 августа, № 95, с.3

³¹ Севастополь по переписи 1886 и 1887 гг. Отчет о статистических исследованиях, произведенных в 1886 и 1887 гг. Севастопольским городским общественным управлением. Севастополь. 1888, с.13

³² Там же, с.61

человека (13,7%).³³

По роду занятий караимов на первом месте была торговля – 93 человека из 897 всех вероисповеданий, т.е. 10,4%, Выражение «караимы весьма искусны в торговле» полностью подтверждается статистическими данными. На втором месте – приказчики при торговле (38 караимов из 214 по городу, т.е. 17,8%), на третьем месте – сапожники (10 из 189 (5,3%), на четвертом месте – парикмахеры и кучеры при водочных складах, а также караимы, которые жили на доход с домов и капиталов по 4 человека.³⁴ Совершенно не было среди караимов чиновников (гласные городской думы, по-видимому, указывали свои основные занятия, а не общественную работу). По данным переписи в тот период в Севастополе не было среди караимов артистов, хлебопеков и пряничников, колбасников, водовозов и водоносов, кузнецов, чернорабочих и т.п. ремесел. Среди 24 человек, живущих милостынею и в приюте не было ни одного караима. Все это подтверждает мнение, что бедных среди караимов не было. 15 караимов были иностранными подданными, в основном турецкими подданными. Более точные данные о гражданстве того или иного государства представить невозможно, так как в таблице приводились данные иностранно-подданных караимов вместе с евреями.

Следует сказать о том, что из 611 караимов грамотными были 376 человек, т.е. 61%. Но если посчитать грамотность в зависимости от пола, то среди мужчин караимов грамотными были 74,5%, а среди женщин – 48,5%. Среди почетных граждан мужчин грамотность составляла 71%, среди мужчин купцов – 65,5%, мещан – 60%.³⁵

Если говорить о месте проживания караимского населения внутри города, то, судя по переписи, которая проводилась по участкам, почти все караимы проживали в центральной части города. Это также подтверждается также более поздними источниками, например, Адресом-календарем Севастопольского градоначальства 1911 г., из которого видно, что в центральной части города проживала большая часть караимов.

В 1895 году было утверждено Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи и в 1897 году эта перепись была проведена. Итоги переписи по Таврической губернии были опубликованы в 1904 году. При этом надо учитывать, что в Таврическую губернию кроме Крымского полуострова входила материковая часть, состоящая из Днепровского, Мелитопольского и Бердянского уездов.

Перепись показала, что в Таврической губернии проживало 1 447 790 жителей, из которых 20% относились к городскому населению. В губернии было 17 городов, из которых в 10 проживало более 10 тыс. жителей. В Севастополе проживало 53 595 чел., в Симферополе – 49 078, в Керчи – 33 347, в Бердянске – 26 496, в Феодосии – 24 096, в остальных городах население составляло менее 20 тыс.³⁶ Но здесь следует учитывать, что население подсчитывалось вместе с военнослужащими. Впоследствии, в 1921 году, когда проводилась Всекрымская перепись, сведения приводились «за исключением красноармейцев и военморов, которые согласно указаниям из центра, переписи не подлежали».³⁷

В соответствии с данными переписи 1897 года в Севастопольском градоначальстве

³³ Там же

³⁴ Там же, с.68-69

³⁵ Там же, с.63

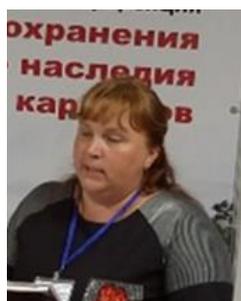
³⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Том 41. Таврическая губерния. 1904, с.4

³⁷ С.Крылов. Красный Севастополь. Севастополь. 1921. С.63

проживало 830 караимов, из них 813 человек в городе, 9 человек в окрестностях и 8 человек в Балаклаве, территориально входившей в градоначальство.³⁸ За 10 лет прошедших между переписями, численность караимов увеличилась на 219 человек, но по отношению к общему количеству населения караимы составляли всего 1,5%. Это объясняется тем, что, во-первых, городская перепись 1886 года велась без учета военнослужащих, а во-вторых, Севастополь, как военно-морская база и главный военный порт на Черном море развивался, и количество военнослужащих различных конфессий увеличивалось.

Если мы посмотрим на сведения о грамотности, то она составила среди мужчин 66,7%, женщин – 49,8%. Сравнивая с предыдущей переписью 1886 года, можно сказать, что грамотность у севастопольских караимов повысилась. По количеству караимов, проживающих в Таврической губернии, Севастополь был на третьем месте, уступая Евпатории, в которой проживало 1 505 чел. и Феодосии – 1 233 чел. В Балаклаве, проживало 8 караимов (2 муж. и 6 жен.). Из таблицы распределения населения по национальностям и возрастным группам видно, что в Севастопольском градоначальстве среди караимов был 1 долгожитель, указанный в графе 90-99 лет, от 80 до 89 лет было 5 человек. До одного года было 20 детей, до 10 лет – 175 человек. Самой многочисленной возрастной группой оказалась от 10 до 19 лет – 184 человека. Наиболее работоспособная группа караимов распределилась следующим образом: от 20 до 29 лет – 129 человек, от 30 до 39 лет – 125 человек, от 40 до 49 лет – 89 человек. Кроме того, от 50 до 59 лет насчитывалось 54 человека, от 60 до 69 лет – 31 человек, от 70 до 79 лет – 18 человек.³⁹

В заключение следует отметить, что согласно переписей населения XIX в. количество караимов постоянно увеличивалось. Также увеличение их числа зафиксировано и в 1921 году – 1245 караимов, что составило 1,7% от общего количества гражданского населения, проживающего в Севастополе. Общеукраинская перепись 2001 года зафиксировала мизерное количество караимов в Севастополе – 44 человека (18 муж. и 26 жен.).⁴⁰ Во время последней Всекрымской переписи населения караимами назвали себя 35 человек.

Баккал И.Н. (Бахчисарай)

Изучение и сохранение предметов декоративно-прикладного искусства как части материально-культурного наследия крымских караимов

Study and preservation of arts and crafts as part of the material and cultural heritage of Crimean Karaites

Крымские караимы – малочисленный народ Крыма, который внес свой вклад в историко-культурное развитие полуострова. В крупных музеях России, Крыма, Литвы и Польши, а также в частных коллекциях рассредоточены различного рода предметы, бытовавшие в караимских семьях и изготовленные представителями народа. Обращаясь к

³⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Том 41. Таврическая губерния. 1904, с.93

³⁹ Там же, с.308-309

⁴⁰ Терещук Н.М. Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX века – 1920-е годы) // Прошлое Севастополя в архивных документах. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2011, с.87

этнографическим и культовым материалам, отражающим декоративно-прикладное искусство и имеющим практическое применение, в том числе в повседневной жизни, исследователи XIX-XX вв. обратили внимание на ткачество и вышивку.

В фамилиях крымских караимов отражены прямые указания на традиционные ремесленные занятия в области народного художественного творчества. Так фамилия Казас – в переводе караимского языка означает вышивальщик, позументщик. Известно, что в период Крымского ханства существовали цеховые устройства «казази» - вышивальщиков и «безази» - ткачей, которые обслуживали ханскую семью и знатных вельмож. Фамилия Ормели – с караимского – кружевник, сплетенный, скрученный. В караимской национальной одежде, зачастую встречается отделка краев головного покрывала «марама», женской шапочки «фес», полов платья «антер», курточек «хыркъя» и «салтамаркъя», кисетов кружевной золоченой тесьмой либо галуном. Фамилия Пуллу может указывать на род деятельности изготовителя мелких блесков «пул» из серебра или золота, используемых как дополнительный вид орнаментального шитья для придания особенного блеска праздничной одежде. Такая отделка встречается на женских головных уборах, курточках, алтарных занавесях и других предметах, украшенных вышивкой. Фамилия Урчук имеет значение – ткач, веретено.

Обращаясь к ремесленному производству крымских караимов ханского периода, необходимо отметить их занятия в производстве шелка. Сведения об этом содержатся в эпитафии надмогильного памятника караимского некрополя Балта-тиймэз (№ 484) где указано, что «Мордехай бен Исаак – умер старцем в 1761 году в крепости Чуфут-Кале; занимался производством шелка. Отличался большой религиозностью, непорочностью и широкой благотворительностью...». О развитии шелководства указанного периода в районах Бахчисарая и Старого Крыма пишет этнограф Л.И. Рославцева (с. 14).

О том, что Крым издавна славился ткачихами и вышивальщицами также находим упоминание в мемуарах путешественников, исторических источниках и семейных архивах местных жителей. О некоторых из них память сохранилась до наших дней. Например, искусная ткачиха и вышивальщица Мурат (умерла в 1773 г. в Чуфут-Кале), занималась «выработкой разного рода изящных тканей и вышивок чичитов для облачения караимского духовенства во время молитвы» (это также информация с эпитафии). Женщина принесла в дар караимской общине Армянского Базара «ряд замечательных тканей своей работы для нужд кенассы». Сохранились сведения о бахчисарайских мастерицах: Аджикей Самуиловна Борю (1890 г. р.), вышивала полотенца и предметы одежды. Плетением кружева занимались Гулеф Рофе (1907 г.р.) и Арзы Аптак, урожденная Мирисиди (1910 г.р.) до замужества работала в швейной мастерской. У наследников караимки Сары Моисеевны Кушлю (Кушуль) сохранились вышитые ею двусторонней гладью салфетка и скатерть. Известно также о вышивальщице Султан из Бахчисарая, двоюродной сестры С.М. Шапшала согласно семейному приданию, полотенце, вышитое мастерицей Султан, среди большого выбора искусно украшенных полотенец выбрал император Николай II, для того, чтобы вытереть руки перед принятием угощения от караимской общины. Не редко российские императоры, посещая караимов по приезду в Крым, получали в дар изделия, украшенные оригинальной караимской вышивкой. В правительственном вестнике за № 100 от 8 мая 1886 г. описывается посещение Ханского дворца и Чуфут-Кале императором с семьей, где приведена информация о том, что «жены караимов поднесли Государыне Императрице, покрывало из шелковой материи золотым шитьем, исполненным караимками из Чуфут-

Кале». А в 1867 г. Владимиру Александровичу Романову во время визита в Чуфут-Кале в дар от общины был преподнесен национальный караимский костюм.

Первая из караимских женщин, получившая образование в русской школе – Эгиз Ксения Борисовна (1855 г.р.) посвятила себя преподавательской деятельности. Она открыла школу для караимских детей, где помимо общеобразовательных предметов обучала разного рода вышивке и рукоделию. О караимских женских учебных заведениях XIX века с преподаванием рукоделия и так называемых ремесленных дисциплин в Евпатории и в Симферополе в 1865, 1874 и 1892 годах (швейное дело, вышивание, вязание) пишет Д. А. Прохоров. Из сегодняшнего выступления А. Арабаджи, мы знаем, что школа для караимских девушек была и в Киеве. Еще в 1901 году, Гахам Пампулов в ответе на обращение оргкомитета Всероссийской кустарно-промышленной выставки в Петербурге по поводу демонстрации караимских кустарных предметах пишет: что в караимских семьях молодые женщины занимаются изготовлением некоторых предметов роскоши вышитых гарусом, шелком и золотом.

Активный период формирования караимских коллекций в музейных учреждениях Крыма, а также демонстрация предметов декоративно-прикладного искусства широкому кругу посетителей приходится на 20-е, 30-е гг XX века. Информация об эпизодических выставках встречается в очерках путешественников и исследователей XIX-XX вв. По сообщению ученого, путешественника А. Н. Демидова, известно, что в Симферополе в 1837 году к приезду императора подготовлена выставка «Крымских сельских и промышленных произведений». Среди прочих предметов автор очерка обратил внимание на кушаки, сафьянные пояса с мелкими бляхами, которые украшены искусной резьбой, а также серебряные галантерейные вещицы и другие изделия караимов. В 1859 году в Одессе демонстрировалась караимская этнографическая экспозиция Крымского горного клуба (подготовила Р. Исакович), вниманию посетителей было представлено более 40 экспонатов, некоторым из них на тот момент было более 100 лет. В 1928 году образцы художественного ткачества и вышивки крымских татар и караимов демонстрировались в Париже, они получили высокую аттестацию и были отнесены к уникальным музейным экспонатам. В Бахчисарайском и Евпаторийском музеях отделы караимских этнографических экспозиций открыли в 1920-х годах.

Караимские вещи массово начинают поступать в Бахчисарайский дворец-музей после 1921 года в результате объявления «пещерных городов» и др. памятников собственностью Республики и передачи в полное распоряжение Крымохриса, закрытия кенаса в Бахчисарае (1930 г.), а также за счет личных дарений крымских караимов. Таким образом, из Чуфут-Кале фонды музея пополняются имуществом из дома для приема паломников и гостей (разобран в 1932 г.), усадьбы Чал-Борю, соборной и малой кенас: предметами храмовой утвари, рукописными и старопечатными книгами (преимущественно религиозного содержания), а также бытовыми изделиями, фотографиями и документами.

Для объективного представления предметов караимской материальной культуры в экспозициях музеев к сотрудничеству приглашали представителей народа, которые могли бы дать разъяснения, касающиеся целевого назначения и правильной атрибуции предметов, помочь с переводом текстов. Так, с Бахчисарайским музеем сотрудничали караимы Е. Майтоп, Нейман, работали Э. и Я. Дубинские, Телал и другие. Большой вклад в изучение этнографии крымских караимов внесла П. Я Чепурина, которая с 1916 г. возглавляла историко-этнографический музей. Изучая виды орнаментального шитья Крыма, автор

подробно описывала каждый из них, приводя тематические иллюстрации. Она принимала активное участие в возрождении угасающих на тот момент видов ткачества и вышивки, привлекала вышивальщиц для обучения в создающихся артелях Бахчисарая и Евпатории.

Изучением и фиксацией традиционных орнаментов на домашних тканях и вышивок караимов Крыма и Польши занимался профессор Марьян Мореловский. В работе крымоведа, историка и этнографа А. И. Полканова содержится краткий сравнительный анализ декоративно-прикладного искусства крымских татар и караимов. Орнаменты, бытовавшие у крымских караимов, собирала Вера Борисовна Эгиз, оригиналы зарисовок сохранились в Литве. Об орнаментах караимского некрополя Балта-тиймэз пишет Полканова А.Ю. Екатерина Акав разрабатывала тему об искусстве крымских караимов, Левицкая В. А. опубликовала статью, посвященную художественным и стилистическим особенностям караимского текстильного орнамента.

Изучая памятники традиционного искусства разных народов Крыма, нередко приходится сталкиваться с множеством сходных черт, что иногда приводит к трудностям атрибуции тех или иных экспонатов, а также к спорам. Большим подспорьем в изучении и сохранении декоративно-прикладного искусства крымских караимов являются каталоги, выпущенные А.Ю. Полкановой (2013 г.) Крымские караимы. Материалы по истории и культуре в Бахчисарайском заповеднике и Д.А. Прохоровым (2016 г.) Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов.

Для углубленного изучения семантики орнамента национальной одежды, алтарных занавесей и др. предметов, украшенных вышивкой, а также проведения сравнительного анализа необходимо привлечение искусствоведов и объединения усилий исследователей для дальнейшей публикации. При чем необходимо учитывать особенность национальных традиций, религиозного мировоззрения, а также ареал проживания. Ответы на возникшие вопросы можно получить посредством детального изучения материалов фондовых коллекций, архивов, исторических источников и религиозной литературы.

Литература и источники:

1. Полканова А.Ю. Антропонимы крымских караимов. Справочник фамилий и имен. – Симферополь, Доля, 2012. – 380 с.
2. Крымские караимы. Материалы по истории и культуре в Бахчисарайском заповеднике. Каталог / Полканова А.Ю., Алпашкина О.Н. – Симферополь: 2013. – 116 с.
3. Ельяшевич Б.С. Караимы. Караимский биографический словарь. Выпуск 14 Материалы к серии «Народы и культуры». – Кн.2. – М., 1993. – 238 с.
4. Полканов А.И. Крымские караимы (Караи – коренной малочисленный тюркский народ Крыма). – Париж, 1995. – 246 с.
5. Караимско-русско-польский словарь. 17400 слов / сост. Н.А. Баскаков, А. Дубинский, А. Зайончковский, В. Зайончковский, Р.М. Ижбулатова, Х.Ф. Исхакова, К. Мусаев, С.М. Шапшал. – М.: Русский язык, 1974. – 688 с.
6. Прохоров Д.А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. Симферополь: Бизнес-информ, 2016. – 320 с.
7. Чепурина П.Я. Орнаментальное шитье Крыма. – М. – Л. Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1938. – 64 с.
8. Рославцева Л.И. одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – Москва: «Наука». 2000. – 103 с.
9. Баккал И.Н. Вклад семьи Дубинских в сохранение ценностей

Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. С 33. // Сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Бахчисарайского музея. – Симферополь: Доля, 2007. – 180 с.

10. Караимская жизнь. – М., 1911. – 1912. - №№ 1 - 12.

11. Полканова А.Ю. Крымскокараимские этнографические и религиозные предметы в фондах БГИКЗ. С. 141-150 // Сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня открытия Бахчисарайского музея. – Симферополь: Доля, 2007. – 180 с.

12. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (к 200-летию юбилею Н.В. Гоголя). – Симферополь: Бизнес-информ, 2011. – 328 с. цв. ил. (с. 196-197).

13. Желтухина О.А. Крымские татары в XIX - начале XX вв.: Путеводитель по этнографическому отделу / Бахчисарайский Государственный историко-культурный заповедник. Музей истории и культуры крымских татар. – Симферополь, 2003 – 68 с.

14. Прохоров Д.А. Система народного образования Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // МАИЭТ. Вып. XIII., Симферополь, 2007., с. 541-588.

15. M. Morelowski. Tkaniny ludowe karaimskie a sprawa pochodzenia karaimow krimskich i polskich. // Mysl karaimska № 10 1932-1934. С. 37-88.

16. Опрос Респондента Г.Р. Бондарь (из рода Аппак, 1955 г.р.) г. Бахчисарай, 2019г.

17. Левицкая В.А. Художественные и стилистические особенности караимского текстильного орнамента. С. 158-162 // Таврический научный обозреватель №4 (9), 2016 г.

18. Акав Е.С. О некоторых чертах декоративно-прикладного искусства крымских караимов XIX – XX вв. Точка доступа: <https://sefer.ru/rus/publications>.

19. Полканова А.Ю. Семантика кипариса - элемента традиционного орнамента крымских караимов (караев). По материалам Бахчисарайского музея-заповедника. // Сборник материалов конференции VIII Бахчисарайские научные чтения памяти Усеина Боданинского [г. Бахчисарай, 4 октября, 2019 г.]: ред-сост. Алиев Р.Д. отв. Ред. Эминов Р.Р.: С: ООО «Амирит», 2021 – 260 с.

20. Бабаджан А.А. Как это было? Воспоминания внучки последнего смотрителя Кале. Валентина Дубинская. // Karay Awazimiz № 4 (29), 2010 г. С.3-5 (Русскоязычный номер культурно-исторического журнала «Авазымыз»).

Завгородняя О.А. (Севастополь)

Фотографии из семьи караимского купца И.А. Максимаджи в фондах Музея-заповедника «Музей обороны Севастополя»

Photos from the family of Karaite merchant I.A. Maximaji in the funds of the Museum-Reserve "Museum of Defense of Sevastopol"

В фондах Музея-заповедника хранится комплекс фотографий, переданный в конце 1990-х годов старожилем Севастополя Александрой Самуиловной (Семеновной) Афиногеновой (Габай) (1918–2003). Она родилась в Феодосии, в возрасте шести лет с

семьей переехала в Севастополь, окончила школу, получила музыкальное образование. В 1957–1975 годах работала концертмейстером в Севастопольской музыкальной школе № 1. На пенсии работала с севастопольскими певцами в качестве аккомпаниатора.

На одной из фотографий комплекса, выполненной фотографом М.Н. Протопоповым (1859–1927) в конце 1890-х годов, запечатлена бабушка Александры Самуиловны Афиногеновой Стронгилия Яковлевна Максимаджи (ок. 1869–1944)⁴¹.

Она родилась в Константинополе в караимской семье, с начала XX века жила в Севастополе. Ее муж, севастопольский купец Максимаджи Илья Абрамович, в 1910-е годы совместно с М.И. Кальфа владел магазином обуви в Севастополе на Нахимовском проспекте в доме № 27. На следующей фотографии М. Мазура (1874–1933), выполненной в 1925 году, Илья Абрамович запечатлен с внучкой Александрой (Афиногеновой)⁴².

Рис. 17 Стронгилия Яковлевна Максимаджи

Рис. 18 И.А. Максимаджи с внучкой Александрой

Среди фотографий есть несколько снимков Раисы Ильиничны Максимаджи, матери Александры Самуиловны Афиногеновой (родилась в 1896 г.). Как принято, ребенка периодически водили в фотоателье, где известные севастопольские фотографы М.Н. Протопопов, М.П. Мазур и другие запечатлели взросление Раисы. Фотография Михаила Николаевича Протопопова в 1890-е годы располагалась на ул. Большой Морской в доме № 18. Фотоателье выполняло портретные, групповые снимки, реставрировало и увеличивало фотографии, в конце 1902 года Протопопов его продал.

Михаил Павлович Мазур до 1900 года работал компаньоном у М.Н. Протопопова,

⁴¹ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9314, КП - 74209

⁴² Фонды Музея обороны Севастополя. НВ - 29647

в ноябре 1900 года он построил специальное здание на Большой Морской № 25 для собственной фотографии.

Перед нами на снимке М. Протопопова прелестная кудрявая девочка в клетчатом платье, замершая в ожидании, когда «вылетит птичка»⁴³, затем на фотографии 1900-х годов М. Мазура девочка-подросток с дядей (братом отца) Семеном Абрамовичем Максимаджи⁴⁴. На снимке того же автора начала 1910-х годов мы видим красивую девушку в форме ученицы частной женской гимназии А.А. Ахновской. Сфотографирована Раиса Максимаджи с любимой тетей (сестрой отца) Верой Абрамовной Максимаджи⁴⁵.

Рис. 19 Раиса Ильинична Максимаджи

Рис. 20 Раиса Ильинична Максимаджи, мать А.С. Афиногеновой с дядей (братом отца) Семеном Абрамовичем Максимаджи

Среди семейных фотографий Максимаджи немало тех, что подарены на память друзьями и знакомыми. На одном снимке середины 1890-х годов Вера Иосифовна Кальфа с маленькой дочерью Анной (1892 года рождения)⁴⁶. Снимок выполнен севастопольским фотографом С.И. Райнишем, имевшим ателье на Нахимовском проспекте. В 1894 г. фотограф получил большую золотую медаль на европейской выставке в Брюсселе за выставленные фотографические работы и моментальные снимки.

На фотографии 1900-х годов фотографа М. Мазура дети семьи Кальфа - Анна и

⁴³ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9313, КП - 74208

⁴⁴ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9312, КП - 74207

⁴⁵ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9315, КП - 74210

⁴⁶ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9307, КП - 74202

Александр⁴⁷. Спустя несколько лет М. Мазур запечатлел Веру Иосифовну Кальфа с детьми (Анной и Александром) и сестрами⁴⁸. Сын Александр в форме ученика Константиновского реального училища, дочь Анна в нарядном светлом платье с бантом. Вера Иосифовна и молодые красавицы-сестры в нарядных темных платьях и великолепных шляпах. Платья украшены заплатами, рюшами, мелкими пуговицами. У всех женщин платья приталенные, с пышными по окату рукавами. На одной девушке поверх платья надета изящная кружевная пелерина. Такое дополнение к наряду - изюминка образа, которая не может остаться незамеченной. При этом кружева никогда не выходят из моды.

На одной из фотографий 1910-х годов Вера Иосифовна Кальфа сфотографирована с Верой Абрамовной Максимаджи⁴⁹. Запечатлел приятельниц севастопольский фотограф Фома Павлович Петлоренко, фотоателье которого находилось на Екатерининской, 14. Дамы сфотографированы в верхней одежде и шляпах. Однотипная отделка пальто бархатными деталями (манжеты, воротники) свидетельствует о том, что это было модно в тот период. Пальто Веры Иосифовны Кальфа отделано мехом соболя, что свидетельствует о высоком достатке семьи. Для отделки использована целая шкурка животного (видна голова, хвост, лапы).

Придворный фотограф М.П. Мазур донес до нас образы подруг-гимназисток: Брацлавской Серафимы Осиповны, Кальфы Анны Яковлевны и Каменман Шевы Абрамовны. Девушки происходили из купеческих семей. Брацлавские в 1910 -х годах владели магазином мебели в Севастополе⁵⁰.

В комплексе фотографий есть еще один снимок Анны Яковлевны Кальфа с Брацлавской Серафимой Осиповной. Снимок выполнил севастопольский фотограф Я. Шильдкредт (сведений о нем нет). Девушки в белых летних платьях, украшенных шитьем, кружевами, вышивкой. Юные модницы демонстрируют популярные в начале XX века аксессуары: подвески (кулоны, медальоны), браслеты с подвесками, маленькие серебряные сумочки на цепочках, сумочки с металлическим замком и цепочкой, вышитые бисером. Эти сумочки тогда называли променадные, теперь мы называем театральными⁵¹.

На фотографиях М. Мазура 1909 года Анна Яковлевна Кальфа еще с одной подругой - Раисой Александровной Мангуби. У нас имеются сведения о том, что представители семьи Мангуби в Севастополе в конце XIX - начале XX века владели магазином модных галантерейных товаров на Нахимовском проспекте. Девушки дружили с Раисой Ильиничной Максимаджи, матерью Александры Самуиловны Афиногеновой (Габай). Большой мастер фотографии, настоящий фотохудожник Михаил Мазур умел подчеркнуть природную красоту человека, расположив его в самом выгодном ракурсе. Невозможно без восхищения смотреть на прекрасные лица юных караимских девушек, на их правильные черты лица, аккуратные прически, обрамляющие лица⁵².

Рассмотренный комплекс фотографий из фондов Севастопольского музея обороны дает представление о внешнем облике представителей караимской общины Севастополя конца XIX - начала XX века. Фотографии, передающие дух и характер прошедшей эпохи,

⁴⁷ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9306, КП - 74201

⁴⁸ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9308, КП - 74203

⁴⁹ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9309, КП - 74204

⁵⁰ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9359, КП - 74576

⁵¹ Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9358, КП - 74575

⁵² Фонды Музея обороны Севастополя. Аф - 9304, КП - 74199

экспонировались на выставках музея, посвященных народам Крыма и севастопольским фотографам. Музей обороны Севастополя бережно хранит и изучает фотографии и другие музейные предметы, которые погружают посетителей в историю и культуру караимов - малочисленного, но самобытного народа или как сказал караимский поэт Георгий Борисович Ефетов (1955–2013) «малого, но славного народа».

Закончить свое сообщение хочется словами этого же поэта:

Но нет народа краше и добрей,
Приветливее и гостеприимней,
Когда войдешь ты к ним, как в дом друзей,
И в жаркий полдень, и под вечер зимний⁵³.

Ельяшевич В.А. (Симферополь)
Некоторые итоги работы над переводом древнееврейской
эпиграфики караимского некрополя в Севастополе в 2019-2020
годах

[Some results of the translation of the Hebrew epigraphy of the Karaite necropolis in Sevastopol in 2019-2020](#)

Караимский некрополь в Севастополе - это один из пяти сохранившихся исторических караимских некрополей Крыма. В 2016 году внесен в перечень объектов культурного наследия, расположенных на территории города Севастополя под названием «Караимское национальное кладбище» (№70). Площадь некрополя – 11 530 кв. метров. Граничит с православным и еврейским кладбищами.

В 2019-2020 годах на караимском некрополе Севастополя проходили исследовательские работы в рамках Программы «Оцифровка памятников караимского кладбища в Севастополе. Расшифровка надгробных надписей. Часть 2» (под руководством председателя Севастопольской ассоциации крымских караимов «Фидан» Е.Г. Баккала). Одной из главных задач, поставленных в рамках данной программы являлся перевод эпитафий на древнееврейском языке (иврите), для которого был приглашен автор этих строк. Актуальность данной задачи заключается в том, что до настоящего времени перевод эпитафий на древнееврейском языке на караимском некрополе Севастополя был сделан только фрагментарно и потому содержащиеся в эпитафиях основные сведения о кладбище, как об историческом памятнике, не были известны.

В ходе работ было выявлено 239 памятников с эпитафиями, включая фрагменты, из которых 126 памятников с эпитафиями на русском языке, 58 памятников на древнееврейском языке (иврите) и 52 билингвальных (на древнееврейском и русском языках).

Благодаря переводам было установлено, что некрополь функционировал как минимум в течение 113-ти лет. Самый ранний сохранившийся памятник датируется 1851 годом (Сима бен Яков Коген). Таким образом, нашлись дополнительные данные, корректирующие сведения проектной документации 2016 года, в которой самое раннее

⁵³ О. Азарьев. Последний караимский романтик.// Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь" 2013. 11-24 октября. № 19 (142).

выявленное надгробие датируется 1863 годом.

Все тексты на памятниках по их языку можно разделить на три группы:

- 1) на древнееврейском языке (иврит)
- 2) билингвальные: на древнееврейском (иврит) и русском языках
- 3) на русском языке

Традиционным языком эпитафий на караимских некрополях является древнееврейский язык (иврит). Все эпитафии на древнееврейском языке условно можно разделить на два вида: 1) поэтическая элегия, воспевающая достоинства умершего человека и в ярких образах и гиперболах рассказывающая о страданиях его родных, которые обычно сравниваются с природными катаклизмами (в караимской традиции – «кына»); 2) основная информация об умершем с указанием его имени, патронимика и даты смерти. На севастопольском некрополе сохранился только один памятник с эпитафией первого вида – это памятник Эфраиму Шоле 1862 года. В эпитафии на этом памятнике скорбь родных передана, например, через такие образы: «Заволокло небо тучами! Звезды закружились в вихре! Окутана тьмой небесная твердь!». Все остальные эпитафии относятся ко второму виду и в среднем строятся примерно по такой формуле: «Этот надгробный памятник (поставлен на могиле) почтенного господина/госпожи (имярек), сына/дочери (имярек). Умер в такой-то день недели, такого-то месяца, такого-то года». В некоторых эпитафиях второго вида встречаются элементы элегии, но в целом их все же нельзя отнести к первому виду. Если умерший при жизни совершил паломничество в священный для караимов город Иерусалим, то к его имени добавлялось звание паломника – Еруш[с]альми (т.е. Иерусалимский). В народе таких паломников называли на татарский манер «хаджи», откуда произошла фамилия Хаджи. На некоторых памятниках указаны общественные должности: гевир – предводитель общины, габбай – староста общины.

Согласно караимской ритуальной традиции в эпитафии указывается только дата смерти. Лишь на одном памятнике 1907 года Эстер Коген-Пембек с двуязычной надписью указана дата рождения. Традиционным для караимов является только указание возрастной категории на памятнике: «закен»/«закена» - старый/старая (обычно после 60 лет), «бахур»/«бахура» - молодой/молодая (обычно человек до женитьбы или замужества, несемейный), «катан»/«ктана» - маленький/маленькая (дети), «талмид» - ученик (от 6 до 17 лет). Памятники, поставленные детям, отличаются размером - обычно это уменьшенная копия памятника любого типа.

В эпитафиях после имени умершего используются традиционные ритуальные формулы, в основном заимствованные из Священного Писания (ТаНаХ), такие как: «Блаженной памяти» после имени умершего родителя – на севастопольском некрополе встречается 30 раз, «Благословенна память праведника!» (Мишлей (Притчи), 10:7) – 4 раза, «Да ляжет роса на ложе его» (Исайя 26:19) - 2, «Покой его (ее) будет слава!» (Йешаягу (Исаия), 11:10) – 1, «Душа его (ее) во благе пребывать будет!» (Тегиллим, 25:13 (Псалтырь, 24:13)) – 1, «Душа его в саду Эден!» - 1. Самой распространенной ритуальной формулой, которой завершаются практически все эпитафии севастопольского кладбища на древнееврейском языке и не только, является формула «Да будет душа его (ее) завязана в узле жизни!» (Шемуэль I (I-я Царств), 25:29). Дата смерти в эпитафиях записана по еврейскому календарю, согласно летоисчислению от сотворения мира (3760 год соответствует нулевому году нашей эры).

Самый ранний из сохранившихся памятников с двуязычной надписью датируется

1879 годом, но основная их масса относится все же к началу XX века. Появление таких памятников отражает процесс культурной ассимиляции караимов с окружающим их русскоязычным населением, в результате которого новые формы стали использоваться совместно с многовековой традицией. Особенно интенсивно этот процесс проходил в русскоязычном Севастополе, что видно и на примере некоторых деталей в текстах эпитафий, не встречаемых на других караимских некрополях Крыма. Например, только в Севастополе в двуязычных текстах и текстах на древнееврейском языке (4 памятника) встречается дублирование неполной даты смерти (число и месяц) по еврейскому календарю григорианским календарем, причем сама дата записана арабскими цифрами. В одном случае, на памятнике 1903 года, дата смерти дублируется полностью с указанием на григорианский календарь, выраженное формулой «ле-миспар ha-ночрим» - «по счету христиан», то есть «от нашей эры»⁵⁴. Еще в трех случаях, на памятниках 1873, 1879 и 1891 годов, дата смерти записана только «по счету христиан», но еврейскими буквами. Это очень редкое явление, тем более для XIX века. В нескольких случаях даты в эпитафиях записаны по григорианскому стилю, но еврейскими буквами, что также не типично для караимских некрополей.

Тексты билингвальных эпитафий в целом являются идентичными, но в деталях могут дополнять друг друга. Так, например, в русскоязычной части эпитафии на памятнике Мирьям Ильиничне Газановой, указано имя ее отца (отчество), а в ивритоязычной части имя ее мужа – Моисей. В эпитафии на памятнике Исааку Савельевичу Мангуби в ивритоязычной части указано, что он был гевиром – предводителем общины, чего нет в русскоязычной части.

Тексты эпитафий на русском языке в основном предельно кратки, они сообщают имя, отчество, фамилию и годы жизни умершего. Иногда еще более краткие. Русскоязычные эпитафии за редким исключением не имеют признаков традиционной караимской эпитафии, и потому их можно рассматривать как свидетельство полной культурной ассимиляции караимов с русскоязычным населением в 1920-1960-ых годах.

В ходе работ над переводом эпитафий было выявлено 83 новых имени, сведения о которых нигде ранее не публиковались. Вместе с тем было выявлено 16 караимских фамилий, отсутствующих в русскоязычных эпитафиях. Это фамилии Асаба, Атар, Илик, Койчу, Кумуш, Ламчери, Нейман, Пигит, Панпулов, Реби-оглу, Софер, Султанский, Тиро, Тонгур, Ходжаш, Чельтек, Чореф, Шоле. Полученные новые данные могут быть использованы в генеалогических исследованиях.

Таким образом, несмотря на многие трудности в той или иной степени выполнен перевод всех эпитафий с текстом на древнееврейском языке, что значительно расширило наши представления о памятнике. Выявлены десятки новых фамилий севастопольских караимов, окончательно установлены временные рамки функционирования некрополя. Введение в научный оборот этого нового материала соответствует целям и задачам, поставленным караимскими организациями в рамках работы по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов.

⁵⁴ В караимской традиции Иисуса Христа принято называть Йешуа ha-Ночри» - «Иисус из Назарета». Соответственно христиане называются «ночрим».

Прохоров Д.А. (Симферополь)

Законодательные инициативы Авраама и Гавриила Фирковичей в рамках правового поля Российской империи (середина XIX века)

Law initiatives of Abraham and Gavriil Firkovichi in the framework of the legal field of the Russian Empire (the middle of the XIX century)

После присоединения Крыма к России в 1783 г. крымские караимы смогли существенно укрепить свои позиции в сфере гражданского права. Проявляя различные инициативы в рамках российского правового поля и контактируя с представителями различных ветвей власти, светские и религиозные лидеры караимских общин сумели добиться от правительства нескольких важных преференций [Фиркович 1890; Мыш 1914: 13–18, 21–24; Прохоров 2010: 204–223; Прохоров 2015: 76–88; Прохоров 2015: 91–102; Прохоров 2019: 511–538].

В задачи предлагаемой статьи входит анализ законодательных инициатив видных караимских светских и религиозных лидеров, адресованных российскому правительству во второй половине XIX в. и нашедших отражение в документах высших органов власти Российской империи и ряда административных учреждений местного уровня. При работе использовались материалы Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь), при этом многие из них вводятся в научный оборот впервые.

8 июня 1795 г., в соответствии с рескриптом императрицы Екатерины II, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя, но с оговоркой, «чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов» [ПСЗРИ 1830 Т. 23, Отд. 1: 705]. В марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. [ПСЗРИ 1837 Т. 12, Отд. 1: 132]. В 1853 г. поверенные Трокской караимской общины старший газзан М.А. Каплановский и мещанин И.А. Кобецкий, при участии известного караимского учёного, общественного деятеля и собирателя иудейских древностей А.С. Фирковича, обратились через статс-секретаря князя А.Ф. Голицына к императору Николаю I с ходатайством о рассмотрении 30 документов, относящихся к предоставлению польскими королями прав и привилегий караимскому населению [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 173, 173 об.]. «Отличаясь преданностью законному Правительству, трудолюбием и честностью – говорилось в рапорте А.Ф. Голицына, – караимы получили разные права и привилегии, из коих некоторые удостоены Высочайшего утверждения <...> Представляя документы по сему предмету, Каплановский и Кобецкий просят о повелении рассмотреть оные и издать особое положение о правах и преимуществах караимов в России» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 6, 6 об., 184–273]. При этом ходатаи ссылались на ст. 21 «Положения о евреях» (1835), прибавляя, что на караимах «лежит обязанность предоставить эти грамоты, доказать эти права» [ПСЗРИ 1836 Т. 10, Отд. 1: 308–323; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 82].

После личного одобрения императором представленного караимами прошения,

вместе с сопроводительными письмами Виленского гражданского губернатора, выпиской архивариуса Виленского Центрального архива древних актов книг и непосредственно самими документами с прилагавшийся к ним описью, 9 июня 1853 г. ходатайство для рассмотрения вопроса по существу дела переадресовали министру внутренних дел Д.Г. Бибикову. Копии ряда документов были сделаны с оригиналов или актов присутственных мест, хранившихся в Департаменте общих дел МВД Российской империи. Помимо этого, к прошению прилагались и три копии с ярлыков крымских ханов караимскому населению Чуфут-Кале [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 65, 82]. Впоследствии эти и другие документы были опубликованы в «Сборнике старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов» [Фиркович 1890].

В мае 1855 г. состоялось заседание «Комитета по устройству евреев» – учреждения, членами которого являлись высшие представители российской власти и созданного с целью пересмотра законов о евреях. По его итогам в журнале постановлений было определено: «...предпринятые доселе меры ограничений касались только Евреев раввинистов, но отнюдь не караимов, которые, не принадлежа к еврейскому населению и не разделяя с ними Талмудических заблуждений, следуют учению Ветхого Завета, и которых Правительство всегда отличало от Евреев, и которых Правительство всегда отличало от евреев по известным их правилам и трудолюбию» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 28, 28 об., 30 об.].

Тогда же, 3 мая 1855 г., «Комитет по устройству евреев» принял ещё одно важное постановление, имевшее отношение к караимским общинам Российской империи. Оно касалось «нераспространения на караимов, получающих учение и медицинские степени, ограничений, постановленных вообще для евреев относительно поступления на службу» на общих с представителями остальных сословий и конфессий основаниях [ПСЗРИ 1856 Т. 30, Отд. I: 316; ПСЗРИ 1856 Т. 32, Отд. II: 3, 4; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 30, 30 об.]. Тем самым правительство существенно облегчало положение учащейся караимской молодёжи, продолжая активно вовлекать крымских «инородцев» в российское языковое и культурное пространство. Этот шаг правительства не только подготавливал почву для общегосударственной образовательной реформы, осуществлённой в России в 60–70-х гг. XIX в., но и способствовал тому, что караимы с целью получения светского образования оставляли привычные места жительства в Крыму, уезжая в другие города центральных и юго-западных губерний России.

22 декабря 1857 г. севастопольский старший газзан А.С. Фиркович и его зять, газзан Г.С. Фиркович, обратились к члену Государственного совета, генералу от инфантерии Я.И. Ростовцеву (последний с 1857 г. был назначен членом негласного комитета по крестьянскому делу и был одним из трёх членов образованной при комитете комиссии по рассмотрению проектов и записок) с просьбой о назначении комиссии для обсуждения поданной на имя императора Александра I и министра финансов П.Ф. Брока записки. Речь в этом документе шла о «о некоторых политико-экономических соображениях, могущих иметь пользу для казны в 750 миллионов рублей, при общем оживлении промышленной деятельности в нашем Отечестве». Далее ходатаи заявляли, что предлагаемый проект составлен «при полном согласовании интересов дворянства, с улучшением состояния крестьян», и при этом утверждали, что основан он на «долголетнем изучении предмета, как по теории, так и по практике» [ГАРФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 199. Л. 1, 1 об.]. Не вполне ясно, что конкретно предлагали Фирковичи, поскольку сам проект в архивном деле отсутствует. Тем не менее, данный шаг может свидетельствовать об активном участии представителей

крымской караимской общины в подготовке масштабного общегосударственного мероприятия. В июле 1858 г. Я.И. Ростовцев был назначен одним из четырёх членов комиссии для предварительного рассмотрения проектов положений, поступавших из губернских комитетов по вопросу отмены крепостного права.

24 апреля 1858 г. по распоряжению «Комитета по устройству евреев» А.С. Фиркович и Г.С. Фиркович подготовили ещё одну докладную записку – на этот раз по вопросу о том, «какого рода ограничения, для евреев постановленные, не должны распространяться на караимов» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 79]. Ключевым в документе стало предложение об организации органов духовного самоуправления в Троках, поскольку подобное учреждение уже существовало у караимских общин центральных и южных губерний и дислоцировалось в Евпатории (Таврическое и Одесское караимское духовное правление). Одним из основных пунктов прошения являлся вопрос о пересмотре социального статуса караимов, населявших западные губернии, поскольку, как утверждалось в документе, караимское население при польских королях было причислено к городскому сословию (мещанам), существенно отличавшемуся по предоставляемым правам от городского сословия Российской империи, которое, в свою очередь, подразделялось на подгруппы (почётные граждане, купцы, мещане, цеховые ремесленники, посадские люди). Трокские караимы добивались пересмотра социального статуса в Российской империи, намереваясь «выйти из мещанства» и быть причисленными к более привилегированному сословию – личным и почётным потомственным гражданам, что подразумевало бы их освобождение от уплаты подушной подати, от телесных наказаний и рекрутской повинности (то есть от рекрутских денежных взносов).

В прошении также значились пункты об устройстве конфессионального караимского суда (так называемого «словесного суда») для разбора дел гражданского характера между караимами, а также об отмене для караимов платежей за право торговли. Предлагалась даже возможность использования караимов в интересах МИД Российской империи в качестве «отличных драгоманов, переводчиков и купцов для сношения России с Востоком». Для этой цели необходимо было, по замыслу А.С. Фирковича и Г.С. Фирковича, учредить высшее караимское училище при ДДДИИ МВД, «в котором бы молодые караимы изучали сверх русской словесности и начал всех вообще главных наук, ещё в особенности языки арабский и французский, столь необходимые и общеупотребительные во всей западной Азии, и которое имело бы целью готовить купцов, переводчиков и драгоманов для русских миссий на Востоке» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 84, 85, 88 об., 89, 91 об., 93 об., 94 об., 95].

После консультаций между ведомствами и руководствуясь отзывами, полученными от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-майора от инфантерии П.И. Федорова, Гродненского, Ковенского и Минского генерал-губернатора В.И. Назимова и киевского генерал-губернатора И.И. Васильчикова, высшие инстанции вынесли свой вердикт. По поводу ходатайства трокских караимов об уравнивании их в сословных правах с лицами христианского вероисповедания власти приняли решение о возможности предоставления таких прав, равно как и о их прошении именоваться «российскими караимами исповедания Ветхого Завета». Что же касается остальных «прав и преимуществ», изложенных в ходатайстве, то губернская администрация в лице П.И. Фёдорова и В.И. Назимова не нашла «никаких достойных уважения причин» для их удовлетворения [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 112 об., 113]. По предложению В.И. Назимова, принимая во

внимание стеснённое финансовое положение караимов западных губерний, обсуждался вопрос о предоставлении им прав: 1) на поступление детей лиц духовного сословия, детей служащих гражданских ведомств, а также молодых людей, успешно окончивших учебные заведения, на гражданскую службу; 2) освобождения от уплаты рекрутских денег; 3) для управления гражданскими и духовными делами предоставить возможность избрания старшины из числа караимов [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 115 об., 116, 118]. Определяющим стало решение о создании органов конфессионального самоуправления. «По отдалённости Таврического Караимского Духовного Правления, – говорилось в документе, – учредить в Троках особое отделение Духовного Караимского Правления, подчинив оному всех караимов, жительствоющих в губерниях Виленского генерал-губернаторства» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 118 об.]. Структуру и функциональные обязанности Троцкого правления предполагалось сделать аналогичными тем, что существовали у ТОКДП, но с подчинением последнему.

Важнейшим выводом, который был сделан на основании ходатайства караимов западных губерний, стало мнение, высказанное главноуправляющим Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии графом Д.Н. Блудовым для последующего внесения в Государственный совет. Приняв во внимание предоставленные ему документы, а также скрупулёзно изучив законодательную базу, он «полагал бы выразить в законе ясно и положительно, что караимы, в подданстве России состоящие, пользуются всеми правами и преимуществами, которые предоставлены другим подданным Империи, смотря по состоянию, к коему они принадлежат <...> и не может быть никаких препятствий к именованию их впредь не “евреями-Караимами”, а просто “Караимами”» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 128, 128 об., 134].

По распоряжению императора Александра II, 1 января 1860 г. была создана особая комиссия для рассмотрения всех вопросов, касавшихся изменения гражданских прав караимов [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 139]. От ведомства МВД в неё вошёл член Совета министра внутренних дел, действительный статский советник А.К. Гирс, которого впоследствии сменил коллежский асессор Надсон [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565. Л. 153 об., 154; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 568. Л. 4, 4 об.]. Работа комиссии была довольно динамичной и плодотворной, и вскоре чиновники вынесли своё заключение по ключевым вопросам. Так, они пришли к выводу, что просьба о причислении всех караимов к сословию потомственных почётных граждан не подлежит удовлетворению, а претендовать на это звание могут лишь лица, прослужившие в течении 12 лет в должности гахамов, а занимавшие в течении 12 лет должности газзанов и шамашей – право личного потомственного гражданина. Было принято решение об освобождении караимов западных губерний от уплаты рекрутских взносов; от подушной подати освобождалось только караимское духовенство и их дети [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 568. Л. 11 об., 12]. Здания, занимаемые караимскими духовными лицами, а также «синагоги, училища и принадлежащие к ним здания» поступило распоряжение освободить от воинского и прочего постоя. Наконец, восьмой пункт заключения комиссии гласил: «Учредить в Троках особое Духовное Правление». Комиссией также были рассмотрены и некоторые функциональные обязанности караимского духовенства, с внесением в них необходимых изменений и дополнений [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 568. Л. 12 об., 13–17 об.].

Указ «О запрещении караимам заставляя прислуге [из числа] христиан работать в праздничные дни» увидел свет в 1860 г. [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1477. Л. 1–3]. И, наконец, закон, принятый 8 апреля 1863 г., стал логичным итогом деятельности властей по

инкорпорации караимского населения в российское правовое поле: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит» [ПСЗРИ 1866 Т. 38, Отд. I: 303]. Данный документ закреплял за караимами все права и свободы, предоставленные им ранее. С этого момента караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т. д. Подтверждалось ранее выданное (в 1795 г.) караймам право освобождения их домов, а также зданий синагог и училищ от постоя войск: как «в натуре, так и от платежа рекрутских денег». Закреплялось право на получение звания личного потомственного гражданина лицам, в течение 12 лет занимавшим должности газзанов и шамашей; звание потомственного почётного гражданина могли получать те, кто находился в течение 12 лет на посту гахама. Кроме того, представители караимского духовенства «изымались» от применения телесных наказаний. Вновь были подтверждены пункты «Положения об управлении духовных дел караимов» [ПСЗРИ 1866 Т. 38, Отд. I: 303–306; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 568. Л. 28–30 об.]. Отметим, что положения этого закона на долгие годы стали правовой основой для жизнедеятельности всех караимских общин Российской империи. Относительно Комиссии для определения прав караимов отметим, что она, выполнив свои функции, была закрыта 11 апреля 1863 г. [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 568. Л. 26].

А.С. Фиркович же вскоре продолжил активную деятельность, подвизаясь на ниве законотворческих инициатив. Так, в 1870-х гг. он выдвинул смелый проект переселения в город 40 караимских семейств из Троков. В феврале 1871 г. А.С. Фиркович обратился к российскому министру внутренних дел А.Е. Тимашеву с докладной запиской, в которой, в частности, сообщал, что «к самым замечательным по своей древности местностям в Российской империи бесспорно принадлежит древнее жилище караимов местечко Чуфут-Кале». Там, по словам ходатая, помимо исследованных им надгробных памятников караимского кладбища Иосафатовой долины, «находится много других замечательных по своей глубочайшей древности памятников, которых не коснулась ещё рука человеческая и которые предстоит ещё открывать». А.С. Фиркович указал, что эти памятники находятся под угрозой разрушения, так как многие жители выселились из этого «пещерного города», и с каждым днём опасность «святотатного посягательства невежества на эти памятники глубокой древности» возрастала [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 1].

Инициатива А. С. Фирковича состояла в следующем: для возрождения Чуфут-Кале как исторического памятника и центра проживания караимов он предложил перенести резиденцию ТОКДП из Евпатории (где оно находилось со времени своего утверждения в 1837 г.) в Чуфут-Кале, а также освободить 20 караимских семей (но не более 100 душ мужского пола), которые пожелали бы переселиться сюда из Литвы и Волыни, от всех денежных сборов и повинностей (в том числе, и от денежной недоимки в размере 200 руб. серебром, полагавшейся к выплате изъявившими желание переселиться в Крым со времени польского восстания 1830–1831 гг.) – «в вознаграждение за те лишения, которым они могут подвергнуться, поселясь в этом пустынном месте» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 1 об.]. А.С. Фиркович также предлагал рассмотреть возможность выдачи переселенцам в качестве беспроцентного займа денежной суммы в 3 тыс. руб. сроком на десять лет для покрытия дорожных расходов и на приобретение необходимых в обзаведении хозяйством скота и земледельческих орудий. Кроме того, А.С. Фиркович ходатайствовал перед властями о возвращении Чуфут-Кале земельных угодий (полей и пастбищ), ранее составлявших

собственность местной караимской общины и впоследствии перешедших в ведение городских властей Бахчисарая. Завершалась докладная записка выражением «полной надежды на просвещенное внимание» министра внутренних дел к благому делу науки и «преуспеянию народа, вверенного провидением мудрой заботливости возлюбленного монарха» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 3].

Этот проект А.С. Фирковича детально рассмотрели сразу в нескольких вышестоящих инстанциях, при этом он вызвал обстоятельную переписку между ведомствами. Например, департамент окладных сборов министерства финансов в докладной записке на имя А.Е. Тимашева от 24 февраля 1871 г. сообщал, что заселение Чуфут-Кале желательно не только ввиду сохранения памятников древности, имеющих важное историческое значение, «но и потому ещё, что в оной местности, оставшейся совершенно безлюдною по выселении [из Крыма] татар <...> было бы весьма полезным образование поселений караимов, отличающихся своим трудолюбием, честностью и предприимчивостью» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 5 об., 6]. Таким образом, департамент окладных сборов выразил своё согласие поддержать проект А.С. Фирковича в части предоставления налоговых льгот и денежной субсидии переселенцам из западных губерний России в Крым, а вопрос о возвращении караимам земельных угодий отправил на рассмотрение МВД.

МВД за окончательным разъяснением относительно проекта А.С. Фирковича обратилось к генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии П.Е. Коцебу, который 14 февраля 1872 г. представил мнение по интересующему делу. Как следовало из рапорта, после ходатайства А. С. Фирковича в 1870 г. генерал-губернатор отправил проект в ТОКДП для соответствующего отзыва и дальнейшего заключения по данному вопросу. Однако последовавший вскоре ответ носил негативный характер для проекта А.С. Фирковича. В частности, Духовное правление обращало внимание должностных лиц, что «в Чуфут-Кале не может быть никакой торговой и промышленной деятельности <...> Неудобства жизни там столь значительные, что почти все жившие в местечке караимы выселились оттуда, бросив свои жилища. При отдалённости местечка от заселённых местностей и неудобств существующей к нему скалистой дороги жители его с большим трудом приобретали необходимые жизненные потребности, отчего ценность их была несравненно выше, чем в Бахчисарае и в других городах, не говоря о том, что каждый из них должен был держать лошадей, ослов или мулов для ежедневных поездок в Бахчисарай за припасами. Те же из обывателей, которые имели торговые или ремесленные занятия в Бахчисарае, принуждены были <...> оставлять на целые дни свои семейства без всякого надзора и помощи», и даже в «опасности на случай болезни». Именно поэтому, по убеждению ТОКДП, караимские семьи «ни в коем случае не пожелают воротиться на ту уединённую безводную степь для стеснительного жительство», а предоставление определённых льгот и преференций «нисколько не приохотит их к переселению туда вновь» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 14, 14 об., 15, 21 об.].

Что же касается предложения А.С. Фирковича по поводу перевода ТОКДП из Евпатории в Чуфут-Кале, то здесь члены правления были ещё более категоричны. Они заявили, что осуществление подобного шага может быть сопряжено с «притеснением всего караимского народа», так как справедливо полагали, что переезд этого учреждения из экономически развитой Евпатории, где караимская община к 1870-м гг. составляла практически половину от общего числа караимов, проживавших в Таврической губернии

(например, в 1864 г. евпаторийская караимская община начитывала 1524 чел., в то время как численность всех караимов, проживавших в губернии, доходила до 3500 чел.) [Домбровский и др. 1867: 262; Статистический 1866: 129–130], имело бы негативные последствия для всех караимских общин. Помимо всего прочего, ТОКДП указывало на то обстоятельство, что в Чуфут-Кале отсутствовала надлежащая инфраструктура для его работы (а именно, не было помещений ни для самого правления, ни для его членов; также отсутствовала гостиница для приезжавших по делам просителей). Постройка новых зданий для этих целей потребовала бы привлечения значительных средств, которыми, как говорилось в рапорте ТОКДП, караимы на тот момент не располагали. Любопытно, что ответ ТОКДП практически дословно повторял текст резолюции, данной правлением относительно проекта газзана Ш. Бейма почти 10 лет назад [Прохоров 2019: 511–538].

Помимо всего прочего, члены ТОКДП сообщили генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, что перевод правления из Евпатории мог последовать лишь по инициативе самого правления, и лишь в том случае, если бы «оно видело в этом какое-либо удобство или выгоду, но переселение самого же Фирковича каждый год на зиму из Чуфут-Кале в Бахчисарай достаточно свидетельствует не в пользу удобства местечка для жительства» (к тому времени Бахчисарай превратился в заштатный городок, не представлявший, по мнению Духовного правления, для караимов экономического интереса) [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 15, 15 об., 16, 23]. В заключении своего рапорта члены ТОКДП просили власти об оставлении ходатайства А.С. Фирковича без последствий. Что же касается самого «пещерного города», то караимские общины сами высказали желание «предотвратить Чуфут-Кале от разорения», но посредством других мер, без «неуместного и бесполезного домогательства г.[осподина] Фирковича». Например, предлагалось переселить в Чуфут-Кале только несколько бедных караимских семей, представители которых могли осуществлять необходимый уход и охрану памятника. На эти цели, а также на содержание там младшего газзана и караимской кенасы предполагалось израсходовать, путём сбора общинного налога, денежные средства: с представителей купеческого сословия планировалось взимать по 1 руб., с мещан – по 25 коп. с человека. По мнению членов ТОКДП, данная мера была бы вполне достаточной для поддержания «колыбели караимов» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 16 об., 24].

Однако наиболее веским аргументом в позиции, занятой верхушкой караимского духовенства, стали опасения за возможные последствия принятия проекта А.С. Фирковича. «Подобными домогательствами, – говорилось в рапорте ТОКДП от 21 мая 1871 г., – [А.С.] Фиркович может безвинно выставить караимов в глазах правительства как недовольных дарованными им бесценными правами и монаршими милостями, которыми предки этого народа, со времени пленения и разорения Иерусалима Титом, Веспассиановым сыном, до присоединения Крыма к России никогда и нигде не удостоились» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 23, 23 об.]. В свою очередь П.Е. Коцебу, разделяя мнение ТОКДП о нецелесообразности проекта А.С. Фирковича как «неудобного, бесполезного и клонящегося лишь к стеснению караимского общества», в рапорте на имя министра внутренних дел заметил, что «едва ли удобно, ценою льгот и пособий, привлекать еврейское население к водворению в пункт, находящийся в весьма близком расстоянии от христианского монастыря (Успенский скит)». Примечательно, но в отношении историко-архитектурных объектов П.Е. Коцебу констатировал, что Чуфут-Кале «была первоначально татарской крепостью <...> караимы же поселились там не ранее XVI столетия», и что кроме гробницы

дочери хана Тохтамыша Ненекеджан-Ханым, не очень древних домов и караимских не древних надгробных надписей, по его мнению, «в Чуфут-Кале нет других особенных достопримечательностей. Многие надписи относятся к позднему времени, наиболее же древние из них вывезены г.[осподином] Фирковичем в Петербург, где проданы им <...> за значительную сумму». Новороссийский и Одесский генерал-губернатор выступил с предложением обратиться к Одесскому обществу истории и древностей с просьбой «попечения об охранении всего, что может быть достопримечательностью в Чуфут-Кале» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 18, 19]. Необходимое заключение вскоре было составлено секретарем ООИД, действительным статским советником Н.Н. Мурзакевичем, который в своей «Записке о достопримечательностях местечка Чуфут-Кале», помимо всего прочего, также подверг сомнению выводы, сделанные А.С. Фирковичем о древности пребывания караимов в Крыму [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 26–27 об.].

В конечном итоге проект А.С. Фирковича о переселении в Чуфут-Кале 20 караимских семей из Литвы и Волыни принят не был, поскольку вышестоящие инстанции сочли более приемлемым и менее затратным для государственной казны предложение о мерах по сохранению историко-архитектурных достопримечательностей «пещерного города», сделанное ТОКДП [РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415. Л. 31–35 об.]. К тому же, по некоторым сведениям, представители общины из г. Трок были разочарованы плохим качеством земли и отсутствием воды на плато и переселяться не желали [Хроника 1911: 78]. Однако уже 2 августа 1870 г. бахчисарайский полицмейстер Шостак в рапорте на имя таврического губернатора сообщал о том, что по приглашению старшего газзана А.С. Фирковича из Бакинской губернии прибыли девять семей субботников: «...с тем предположением, что если отыщут удобную землю вблизи для хлебопашества, то останутся жить в Чуфут-Кале». Но и пребывание субботников в «пещерном городе» было весьма краткосрочным, и из Чуфут-Кале они направились в сторону Феодосийского уезда, с целью «поселиться на землях, принадлежащих караимам <...> если отыщут удобную землю, в противном случае, возвратятся домой» (при этом бахчисарайский полицмейстер ссылался в своём рапорте на сведения, которые ему сообщил симферопольский караимский купец и землевладелец И. И. Пастак) [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 1, 1 об., 5]. Вскоре Феодосийское городское полицейское управление докладывало, что девять семей субботников проездом через Феодосию «объявили, что едут в Тамань через Керчь» [ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 7]. Тем не менее, попытки наладить общинную жизнь на Чуфут-Кале продолжались.

Таким образом, проанализированные материалы позволяют констатировать, что караимские светские и религиозные лидеры активно проявляли себя в рамках российского правового поля, адресуя в высшие властные инстанции различные проекты и ходатайства, касавшиеся изменения юридического статуса караимского населения Российской империи, рассчитывая, главным образом, на получение караимами новых экономических и социальных преференций. В отличие от российских евреев-раввинистов, которые платили двойной промысловый налог и были существенно ограничены в правах, караимам во второй половине XIX в. был предоставлен ряд новых льгот в сфере гражданского законодательства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 2. Д. 499.
2. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1477.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 199.

4. Домбровский Ф.М., Ханацкий К.В., Элерс. Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К.В. Ханацкого. Симферополь: тип. Таврич. губ. правления, 1867. Вып. 1. С. 144–247.
5. [Мыш М.И.] Руководство к русским законам о евреях / сост. М.И. Мыш. изд. 4-е, доп. СПб.: тип. А. Бенке, 1914. XXI [III], 652 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 23, Отд. I. 975 с.
7. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 10, Отд. 1. 918 с.
8. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. Отд-ия Собственной Е. И. В. канцелярии, 1838. Т. 12, Отд. 1. 822 с.
9. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1856. Т. 30, Отд. I. 778 с.
10. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1856. Т. 32, Отд. II. Дополнения к Т. 30. 862 с.
11. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: тип. II Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. Т. 38, Отд. I. 940 с.
12. Прохоров Д.А. Деятельность органов караимского конфессионального самоуправления и вопросы регулирования правового положения караимов Российской империи в первой половине XIX – начале XX вв. // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: история, современность, прогноз. Сб. научных статей. Симферополь, 2010. С. 204–223.
13. Прохоров Д.А. Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Юридические науки. Симферополь, 2015. № 1. С. 76–88.
14. Прохоров Д.А. Иудейские общины в Крымском ханстве: правовой статус и основные занятия населения // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 91–102.
15. Прохоров Д.А. Проекты Шломо Бейма и Авраама Фирковича по сохранению «пещерного города» Чуфут-Кале // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. Вып. XXIV. С. 511–538.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 565.
17. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 568.
18. РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 415.
19. Статистический временник Российской империи / Изд-е Центрального статистического комитета МВД. СПб.: тип. К. Вульфа, 1866. Ч. I. XXXVI, 243, 117 с.
20. [Фиркович З.А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов [Предисл. сост. В.Д. Смирнова; От издателя: З.А. Фиркович] / Изд-ие З.А. Фирковича. СПб.: паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. XXXVI, 223 с.
Хроника текущей жизни. Общие известия. Положение Чуфут-Кале // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль. С. 78.

Шимон Пилецкий (Szymon Pilecki) – Польша, Варшава

Стремительно увеличивать число караимских семейств – является важнейшим условием сохранения всякого историко-культурного наследия

Rapidly increase the number of Karaite families - is the most important condition for preserving all historical and cultural heritage

Известно, что название караимы относится к людям, исповедующим караимскую религию, а также к караимскому этносу.

Сведения о религии изложены Ананием Зайончковским в «Очерке караимской религии» изданным в 2003 г. на польском языке, а А.А. Бабаджаном переведенным на русский также в 2003 г.

В начале Очерка написано:

Караимская религия возникла в начале 8 в. в восточной провинции тогдашнего мусульманского халифата, в современном Ираке. Первым законодателем и учителем был Анан – сын Давида из Басры, живший во времена халифа Абу Джафар аль-Мансура, который правил в Багдаде с 754 по 775 год н.э. Вначале сторонники Анана назывались *ананитами*. Лишь в 9 веке принято название караимы, которое объясняет суть провозглашаемого учения. Слово «караим» (в ед. чис. «карай») происходит от гебрайского и арабского глагола кара – читать (от того же корня происходит – как известно – название Коран, дословно обозначающее «чтение»). Оно определяет исповедующих Святое Писание, которые в религиозных вопросах признают только «чтение», т.е. книги Святого Ветхого Завета, без добавлений. Таким образом, появилось основное различие, отделяющее караимов от исповедующих три другие монотеистические религии – иудаизм, христианство и ислам, в которых кроме Св. Писания признается, как доминирующая часть – разные добавочные содержания скомпилированные в книгах: Талмуд, Новый Завет и Коран. Караимы же не допускают никаких дополнений и уточнений или комментариев к Св. Писанию. Принятие таких комментариев приравнивалось бы – по мнению караимских богословов – признанием Св. Писания несовершенным. Этим объясняется исторический факт, что караимские ученые очень рано стали работать в области гебрайской филологии. Они создали первые грамматики и словари гебрайского языка. В этом смысле караимское вероисповедание сыграло роль, подобную роли реформации в новые времена. Согласно традиции, передается высказывание, которое изрек наш учитель Анан: «Не полагайтесь на меня, а сами тщательно изучайте Святое Писание».

С первобытной своей родины Анан перенес главный центр караимизма в Иерусалим. Родина пророков и патриархов, всегда притягивала к себе сердца исповедующих монотеистические религии – иудаизм, христианство и ислам. Анан основал в Святом городе Иерусалиме самый древний караимский храм - кенаса. В 8-10 веках караимское вероисповедание распространилось во всех направлениях - в Сирии, Месопотамии, Персии, Малой Азии. Его влияние через Северную Африку достигло Атлантического океана, а также степных прикаспийско-черноморских просторов. Среди полукочевых тюркских народов, таких как хазары, печенеги, куманы (или иначе – половцы), встречаем большие группы населения, исповедующих караимскую религию. Наследниками тюркского языка этих народов являются и наши предки, которые как переселенцы в 13 веке

прибыли в Галицкое Княжество и в 14 веке в Великое Литовское Княжество. Сегодня в караимском вероисповедании вовсе не проводится миссионерской деятельности, обращение в караимизм вообще не допускается.

Надо учесть, что еще в начале XX в. многие караимы хорошо знали содержание Святого Писания и могли цитировать желаемые его части и – что само важное – религия была основным фактором, объединяющим общество.

В этническом плане существуют три группы караимов: тюрки, семиты и славяне. Родиной тюркских караимов – Крымский полуостров, где проживают они с IX века; семитских – Израиль и другие страны Ближнего востока; славянских – места поселения кубанских казаков.

В результате разделов польско-литовского государства в XVIII в. поменялось правовое положение караимов в отдельных общинах. По первом разделу в 1772 году караимы, проживающие в Червонной Руси, позже названной Галицией, оказались в пределах Австрийской Империи, правительство которой рассматривало в конце XVIII века вопрос караимов, проживающих на землях, присоединенных к Австрии. Определило их как "мирных, опрятных и трудолюбивых, пользующихся магдебургским правом, имеющих своего судью решающего их споры". Они были освобождены от некоторых налогов, также как и христианское население. В XIX веке галицкий газзан Леонович представил австрийскому правительству привилегии, данные караимам польским королем Стефаном Баторием и добился их сохранения. Его сын, Иосиф, как следующий газзан, указывая малую численность караимов, добился у императора, чтобы караимские призывники несли в армии только санитарную службу.

В 1783 г. к России было присоединено Крымское Ханство. В 1795 г. после третьего, окончательного раздела польско-литовского государства, к России были присоединены земли с остальными караимскими общинами, которые, будучи в пределах Российской Империи, пользовались такими же правами, какие имели раньше – до разделов.

Во время Крымской войны в 1853-56 гг. по приказу местных властей часть населения, среди которого было много караимов, была эвакуирована из Крыма. После окончания войны многие из них остались в новых местах поселения, так как большие территории империи с развивающимися городами создавали прежним садоводам и овцеводам большие возможности развития и выдвижения. Таким образом крымские караимы на постоянно поселились в многих городах России.

Число караимов никогда не было большим, но все-таки в течении более 1000 лет удерживалось, сохраняя свои особенности и традиции. Мы здесь займемся караимами, происходящими из Крыма, т.е. нашими братьями и нами, как переселенцами из Крыма. Вспомним о их численности и местах поселения. Очень точные сведения имеются с 1897 г., когда была проведена перепись населения по всей Российской Империи, где в то время находилось большинство европейских караимов. Общее число караимов составляло 12894, в том числе 6522 женщин и 6372 мужчин. Превышение женского пола на 150 лиц, или 2,3%, считалось нормальным. Это население разделялось на две основные части: крымскую, всего 6166, т.е. почти половина всех, сосредоточенную в Таврической губернии и литовскую – 1383, в Вильнюсской, Каунасской, Витебской и Волынской губерниях. Характерна для караимов была их концентрация в городах. Первой по численности караимов являлась Евпатория, где их было 1505, дальше Феодосия – 1233, Одесса 1049, Севастополь – 813, Симферополь – 703, Николаев – 554, Бахчисарай – 395 и т. д. В городах центральной России:

Москва – 332, Петербург – 310. Литовских караимов больше всего было в Тракай – 377, Вильнюсе – 155. Остальная часть была разбросана по всей Империи, включая Сибирь и Среднюю Азию. В Сибири, вплоть до Тихого Океана – 120, в Тобольской губ. – 36, в Томской – 41. В те времена было среди караимов 12 лиц, обладающих имуществом порядка миллиона рублей, а список произведений караимских авторов в одной из московских библиотек составлял 1208 позиций.

Большие потери по численности понесли караимы в России в I и II-ой мировых войнах. В I-ой войне сражалось около 700 караимов, в том числе около 500 офицеров. В результате военных потерь, а также эвакуации из России многих караимов после революции – их численность заметно уменьшилась. Потери во II-ой мировой войне – 744 человека, они на Мемориальной доске в Евпатории.

Стоит вспомнить, что те караимы, которые после революции уехали из России, организовались и успешно действовали в других странах. Примером может быть Франция и сам Париж. О чем свидетельствует Протокольная книга караимского общества в Париже с 1-го июля 1938 года.

Так, например, по Протоколу от 26 июня 1941 г. Община в Париже насчитывала 195 членов.

По переписи населения 1970 года в СССР проживало 4571 караимов, из них в Украине ок. 1100, в Евпатории ок. 450, в Литве ок. 300, в Тракай ок. 100. Очередная перепись 1979 года указала только 3341 караимов, из них 1200 в Крыму – что означает уменьшение численности в течении только 9 лет почти на четверть. В 1989 г. возобновил свою деятельность московский Джамаат и с 1994 года начал издавать газету Караимские Вести. С 2000 г. в Евпатории начало действовать Караимское Духовного правление объединяющие 5 крымских Джамаатов и начала издавать Известия Духовного управления продолжая традицию с 1917-1919 гг.

В 1959 г. в Литве жило 423 караима, а в 1997 г. только 257, т.е. всего 60% от количества, бывшего 38 лет назад. Средний возраст караимов 44,9 года, при среднем возрасте населения Литвы 35,7 лет. Из этого можно сделать вывод, что караимы старые, а детей и молодежи мало. Такой же вывод напрашивается из того факта, что число детей в караимской семье мало, 2,18, т.е. всего 0,18 ребенка в семье, или один ребенок на более чем 5 семей, тогда как по всей Литве 3,2, т.е. 1,2 ребенка в семье.

В одном отношении караимы как в Литве, так и в Польше занимают выгодное положение – в их образовании. С высшим образованием насчитывается в Литве 45,7% караимов, в Польше 54%.

Из приведенных материалов следует вывод очень важного, основного, значения – число караимов постоянно и быстро уменьшается! Это решительно надо остановить. Для этого по крайней мере надо:

- убеждать и даже требовать у караимов обоих полов вступать только в караимские браки;
 - они должны стремиться иметь много детей;
 - заботится об обучении молодежи караимской истории, традициям, обычаям и т.д.;
 - изучать и пользоваться караимском языком – основным признаком существования народа;
 - в караимских газетах и журналах создать матримониальную рубрику;
- Есть еще много других задач, которые каждый взрослый караим сможет указать, но

основное дело в том, чтобы эти задачи осуществлять;

Для полного и подробного обсуждения такого жизненно важного вопроса необходимо проведение отдельной, особой конференции!

С большим уважением, Ш. Пилецкий, Варшава

Пьясор Д.О. (Евпатория)

«Карай Битиклиги»: документальные и фотографические материалы из архивов Ромуальда Арамовича Айваза

«Karai Bitikligi»: documentary and photographic materials from the archives of Romuald Aramovich Aivaz

В вопросе сохранения культурного наследия караимов большое значение имеет изучение документальных и фотографических материалов, как одного из важных исторических источников. Работа с такими материалами дала мне возможность подготовить этот доклад: «Карай Битиклиги»: документальные и фотографические материалы из архивов Ромуальда Арамовича Айваза».

Библиотека «Карай Битиклиги» расположена в городе Евпатория и находится в ведении Религиозной организации «Караимская религиозная община» г. Евпатория.

«Карай Битиклиги» была основана в июне 1916 года Гахамом Серая Марковичем Шапшалом. Предтечей библиотеки стало, находившееся в мидраше, собрание печатных и рукописных книг, привезенных Гахамом Симхой Бабовичем из паломничества на Святую землю в 1830 году и исчезнувшими во время Крымской войны.

Усилиями Шапшала в библиотеке был открыт читальный зал, проведена инвентаризация, а также была учреждена должность работника, которую занимал Моисей Яковлевич Фиркович. Серая Маркович лично принимал участие в формировании фондов. Через год после основания библиотеки, в ней насчитывалось порядка 2200 томов. В 1918 году фонд пополнился самым крупным поступлением – библиотекой ученого-библиофила Авраама Юфудовича Мичри, насчитывающей 20 000 томов.

Сейчас в фондах имеется множество рукописных и печатных книг, а также архивных документов, включая переписки караимских общественных деятелей – Семиты Исааковны Кушуль, Бориса Саадьевича Ельяшевича, Бориса Яковлевича Кокеная, Давида Марковича Гумуша и других.

На данный момент в библиотеке насчитывается свыше 21 000 единиц, хранящихся в 17 шкафах и картотеках, занимающие три небольшие комнаты. «Карай Битиклиги» оснащена пожарной и охранной сигнализациями, в ней поддерживается климатический режим, необходимый для сохранности книг. Библиотека полностью содержится на средства Религиозной организации «Караимская религиозная община» г. Евпатория.

Одним из последних объемных поступлений в библиотеку были архивные материалы Ромуальда Арамовича Айваза – караимского общественного деятеля, музыканта-исполнителя, педагога.

Родился Ромуальд Арамович в 1937 году в городе Евпатория в караимской семье. Отец – Абрам Моисеевич Айваз, композитор, один из учеников известного композитора,

караима Самуила Майкапара. Мать – Ирина Валентиновна Айваз, певица, педагог.

С детского возраста Ромуальд знакомится с музыкальным искусством, как и его брат Яков и сестра Диляра, выбирает музыкальную стезю в качестве своего жизненного пути. Большую роль в его становлении как музыканта сыграл отец. Впоследствии, Ромуальд издаст полное собрание музыкальных произведений своего отца в 6 томах.

После окончания Музыкально-педагогического института имени Гнесиных, Ромуальд Арамович отдает более двадцати лет своей жизни преподаванию музыки и воспитанию профессиональных музыкантов.

Параллельно с творческой деятельностью, Ромуальд Арамович ведет общественную работу, как и его дед Моисей Айваз, бывший в свое время председателем «Общества попечения о бедных караимах».

С 1994 года Ромуальд Айваз являлся председателем общественного объединения караимов Санкт-Петербурга «Карайцентр».

Ромуальд Арамович Айваз скоропостижно скончался в 2016 году. Его прах захоронен на евпаторийском кладбище.

Архивные материалы Ромуальда Арамовича были переданы осенью 2020 года Михаилом Артемьевичем Иванов-Казасом.

Архив формировался дедом – Моисеем Абрамовичем, отцом – Абрамом Моисеевичем и сестрой – Дилярой Арамовной.

Среди полученных документов имеются: фотоматериалы, документы его отца (состоящие из нескольких групп), сестры, корреспонденция (включая письма и почтовые карточки), фотооткрытки, а также предметы обихода.

Характеризуя новые поступления в количественном показателе, приведу следующие данные:

1. Фотоматериалы: 1382 ед.
2. Документы – 100 ед.
3. Корреспонденция: письма – 102 ед., почтовые карточки – 47 ед.
4. Фотооткрытки – 21 ед.
5. Предметы обихода: 3 ед. – штамп с литерами «М.А.» (принадлежавших деду

Моисею Айвазу), кости для детской игры «ашики» (в количестве 15 штук) и походная горелка. Эти предметы обихода были переданы в Музей истории и этнографии крымских караимов им. Семиты Исааковны Кушуль.

Итого было взято на учет порядка 1600 ед. хранения.

Наибольшее количество в переданном архиве именно фотографических материалов. По своей форме, данная группа документов делится на следующие подгруппы: фото с паспарту и без, а также снимки на пленке и в виде слайдов, доступных для показа на проекторе. Большая часть изображений черно-белого типа.

Хронологический охват – от конца девятнадцатого века до начала двадцатого. По тематике, данные материалы делятся на две группы: семейные фотографии родителей, брата, сестры и других родственников, составляющие большую часть, а также снимки, изображающие общественные события.

В семейном фотоархиве большой интерес представляют снимки Абрама Моисеевича Айваза и Серая Марковича Шапшала, а также дарственное фото с автографом Гахама Шапшала.

Среди общественных фотоматериалов можно выделить некоторую группу, среди

которых хроника похорон Гахама Пампулова и групповой портрет классов евпаторийской гимназии. Этот снимок интересен тем, что на нем пофамильно подписаны все учащиеся гимназии и преподавательский состав.

В категории «Документы» представлены материалы членов семьи: сестры Диляры Арамовны и отца – Абрама Моисеевича Айваза. В архивах отца есть документы по его творческой деятельности и биографическим сведениям. Документы датируются с 1948 по 1977 год.

Корреспонденция представлена двумя видами документов: письмами и почтовыми карточками. Письма датируются с 1876 по 1936 год, почтовые карточки – с 1908 по 1963 год. Основные адресанты – сам Ромуальд Арамович, отец – Абрам Моисеевич и дед – Моисей Абрамович.

Полученные архивы были систематизированы и поставлены на учет в библиотеку. В архивах имеется большое количество сведений, в том числе об Абраме Моисеевиче Айвазе и его семье, которые представляют большой интерес для исследователей биографии и творчества Абрама Айваза.

Попробуем практически осмыслить: куда двигаются караимы в вопросах сохранения своего караимства в местах компактного проживания? На примере стран и городов, которые автору известны.

Бабаджан А.А. (Вильнюс)

Кое-что об отношении Персии к С.М. Шапшалу

Something about Persia's attitude towards S.M. Shapshal

В данной статье используются документы фонда С.М. Шапшала, хранящиеся в библиотеке АН Литвы им. Врублевских - F 143.

Одной из тем, используемых разными авторами обвинений и клеветы на С.М. Шапшала является его служба в Персии. Документов по этому периоду сохранилось мало и для кампании против С.М. Шапшала ныне используются газетные клеветнические статьи. Не имея информации, авторы в те годы измышляли связь С.М. Шапшала с кровавыми событиями 1908 г. в Персии. Противостояние между шахом и Меджлисом в особенности обострилось после неудачного покушения на шаха 15(28) февраля 1908 г. Кровавое столкновение спровоцировали революционно настроенные члены Меджлиса, сначала требуя низложения шаха, а затем убивая мирно патрулирующих улицы казаков, которые открыли ответный огонь, а шах несмотря на все эти обстоятельства пытался договориться с ними миром. Все это можно прочитать в статье **Арабаджян З. А. «Разгон Меджлиса Мохаммедом Али-Шахом в 1908 г. и англо-русское соперничество в Иране»**, «Вестник Института востоковедения РАН» № 4, 2018 г.

Ничего этого не зная, газеты в то время навешивали ярлыки и формулировали обвинения, клевета и на шаха, и на С.М. Шапшала. А теперь нынешние авторы, перепечатывая, цитируя или ссылаясь на эти статьи, распространяют эту клевету. Одной из основных причин ухода С.М. Шапшала от шаха было понимание, что он ни на что не может

повлиять и кровавое противостояние будет только нарастать, о чем он и сказал в своем интервью журналисту «Русского слова» в 1908 г. Если бы С.М. Шапшал был таким, каким его рисуют эти статьи, то он наоборот должен был продолжать свою службу, получая чины и награды. В особенности часто используется статья «Протест против кандидатуры С. М. Шапшала: [на роль гахама] // Караимская жизнь» — Москва, 1911. — Кн. 7 (декабрь). — С. 117—118, т.к. это напечатано в караимском издании. Но в статье цитируются другие газетные статьи, в которых нет изложения фактов, а только голословные обвинения, да еще что *«Кровь реками, морями лилась по злосчастной стране “царя-царей” и многие-многие потоки ея лежат на совести»* С.М. Шапшала, хотя основные столкновения произошли в 1909-1911 гг. во время борьбы разных группировок за власть, недаром этот период называют революцией и из-за столкновения интересов России и Англии в Персии и желания Англии избавиться от пророссийского шаха. С.М. Шапшал уже в середине 1908 г. был в России, да и влияние С.М. Шапшала на шаха сильно преувеличено, ведь наследнику было 29 лет, когда он встретился с С.М. Шапшалом, и он был уже не один год правителем провинции Иранский Азербайджан со столицей в Тебризе.

Существуют еще воспоминания с того периода К.Н. Смирнова «Записки воспитателя персидского шаха. 1907-1914 гг.» и письма к Смирнову от В.Ф. Минорского, опубликованные Н. Тер-Огановым, где фигурирует С.М. Шапшал. Эти материалы пытаются представить «объективными», хотя это и не получается. По поводу пропитанных ненавистью и завистью к С.М. Шапшалу отзывов - скромно отмечают, что *«В.Ф. Минорскому не очень импонировала личность С.М.Шапшала»* 1*, но аккуратно печатают их, замечая, что *«в слишком критической оценке В.Ф.Минорского должны быть скрыты, скорее всего, сугубо личные мотивы»* 1*. Но Н. Тер-Оганов не подумал, что такие письма могут направляться только единомышленнику. К.Н. Смирнов, являясь кадровым разведчиком, предпочел грязную работу по оскорблениям и обвинениям С.М. Шапшала предоставить выкресту, племяннику раввина, а самому постараться остаться в стороне, но не удержался от очернения. Вот несколько фраз о С.М. Шапшале, приводимых Н. Тер-Огановым из «Записок ...» К.Н. Смирнова: *«У него была манера действовать через женщин и нечувствительные к пошлости женщины легко поддавались его влиянию»; «Шапшал стал проявлять непомерную грубость, перебрался со всей свитой...»; «услужливый генерал-адъютант Шапшал дал несколько раз министру по шее»* 1*, но даже он вынужден заметить: *«Шапшал вел себя довольно бесстрашно все смутное время»* 1*. Только как совместить храбрость и услужливость, действие через женщин с грубостью К.Н. Смирнов не подумал. Но еще более удивительна информация: *«Окончив университет по восточному факультету, он не смог устроиться в Министерстве Иностранных дел и отправился на свой страх в Тавриз, где устроился учителем русского языка Мохаммад Алишаха, бывшего тогда Валиахдом»* 1*.

«О дальнейшей судьбе Шапшала, в общем, известно следующее: поссорившись с шахом и его придворными, он вернулся в Крым, где одно время служил хахамом караимов. Затем он стал работать переводчиком в министерстве иностранных дел и преподавателем на восточном факультете» 1*.

Поразительно, как это зам. начальника Отдела разведки при Штабе Кавказского военного округа, отправляясь в Тегеран не знал анкетных данных *«всесильного»* С.М. Шапшала? Вот данные двух архивных справок: от Ленинградского Государственного им. Ленина Университета (F143 № 34 л. 2), что *«Гр-н ШАПШАЛ, Серай Мордхеевич,*

рождения 1873 года, в 1899 году по окончании б. Петербургского Университета был оставлен при Университете для подготовки к профессорской деятельности. С сентября 1909 по 1918 год С.М. Шапшал состоял на службе в названном Университете на должности лектора турецкого языка по Восточному факультету»; из Архивного управления МИД СССР (F143 № 29 л. 36), что С.М. Шапшал работал в «б. Министерстве иностранных дел России в 1901-1917г.г.», а гахамом был выбран пожизненно в 1915 году. Поразительная неосведомленность для профессионального разведчика. Так что объективность К.Н. Смирнова очень сомнительная. Но даже из этих воспоминаний видна смелость С.М. Шапшала, честность в служении шаху и России, которая не нравится завистникам - разведчику К.Н. Смирнову и дипломату В.Ф. Минорскому.

Отдельно нужно отметить антикараимские публикации, которые на протяжении многих лет публикует М. Кизилов. Он разыскивает любые факты, материалы и публикации, которые можно направить против караимов, и полностью игнорирует научные работы по антропологии, языку, культуре караимов, пытаясь караимов причислить к семитам, самостоятельную религию к иудаизму, т.е. талмудизму, самостоятельный язык к крымско-татарскому языку, а после публикации результатов по генетике караимов пытается доказать, что крымские караимы – не народ, а религиозная группа еврейских отщепенцев. Уже много лет он возглавляет кампанию информационной дезинформации о караимах, их истории и выдающихся деятелей, не брезгуя измышлениями и фальсификацией фактов под прикрытием научности. Для иллюстрации этих слов была взята часть из его книги на английском языке «**The Sons of Scripture: The Karaites in Poland and Lithuania in the Twentieth Century**» 2015 г., а именно маленькая часть из раздела, посвященного С.М. Шапшалу. На странице 216 написано, что С.М. Шапшал «*изначально крымско-татарский и русскоязычный караим*», т.е. родной самостоятельный караимский язык С.М. Шапшала назван – крымско-татарским, аналогично и на с. 219; на с. 218 – что отец С.М. Шапшала с «*семитскими чертами*», хотя многочисленные антропологические, а сейчас и генетические исследования доказывают, что крымские караимы не семиты, а в сноске 1059 автор предполагает, что фотографии отца не существует, хотя в фонде (F143 № 1275 л. 26) хранится эта фотография. На с. 218 написано, что «... юный Шапшал демонстрировал свою самостоятельность и революционный образ мышления ...» в вопросе этнического происхождения караимов и доказывает это текстом рассказа, который описывает плохого и ограниченного учителя религии, который учил тупо зубрить, а не думать, как требует принцип караимской религии «... не полагайтесь на мое мнение» и жестокость телесных наказаний в школе. Все это явно не касается просвещенного газзана С. Пигита в Симферополе. И на основании этого рассказа делается вывод, что отношения с отцом «*были далеки от дружеских отношений*» с. 219. А то, что фотография отца более А4 формата была с С.М. Шапшалом все время и по его просьбе художник Б. Эгиз сделал большой портрет – это для Кизилова ничего не значит.

Но дальше мы узнаем, что для Кизилова «*овладение государственным языком*» ограничивается «*свободно говорить*» по-русски!

Но можно еще долго рассматривать аналогичные «открытия» и выводы с потолка, но вернемся к написанному о персидском периоде.

Кизилов вводит новый источник «правды» о С.М. Шапшале – книгу Эдварда Брауна «**The Persian Revolution of 1905-1909**» 3* о персидских событиях, но автор забыл отметить, что источником информации англичанина были члены мятежного Меджлиса в борьбе

против шаха и русского влияния. Было очень удобно из С.М. Шапшала сделать «злого гения шаха», приписывая ему все и сочиняя новое в политической борьбе против российского влияния и пророссийского шаха. Т.е. на ряду с фиксацией событий соседствует пропаганда против России, чтобы обелить действия членов Меджлиса, подстрекаемых Англией, так что об объективности не может быть и речи. Книга была написана и опубликована в 1910 г, в разгар борьбы Англии против России за доминирование во всей Персии, несмотря на договор 1907 г. о разделе сфер влияния, для чего использовались любые средства. Далее М. Кизилов утверждает, что «... нет сомнений, что Шапшал сыграл важную роль в подавлении конституционного восстания», хотя и отмечает, что сам Браун этого не утверждает. (с. 222)

Далее упоминаются газетные статьи против Шапшала, в особенности делается упор на публикации караимов, упоминаются и «Записки» Смирнова. Все то, что оговаривалось ранее.

А дальше приведем несколько примеров дезинформации:

С. 221 Кизилов пишет по поводу «генерал-адъютант Шапшал» «Шапшал никогда не достигал генеральского или даже офицерского звания», но это звание С.М. Шапшал заслужил в Персии и это подтверждается фотографиями в персидской форме и К.Н. Смирновым в ранее цитированных «Записках ...», а по документу от 16.12.1916 (F143 № 2 л. 1) С.М. Шапшал по службе имел 6 класс, что по табелю о рангах царской России соответствовало званию полковника.

С. 221 С.М. Шапшал «... состоял на службе в царском министерстве внутренних дел в период с 1901 года» и на с. 222 примечание 1077 аналогично. В обоих случаях ссылается на ранее цитированную справку МИД СССР (F143 № 29 л. 36), что С.М. Шапшал работал в «б.Министерстве иностранных дел России в 1901-1917 г.г.»

С. 221 «эти записки защищают Шапшала (там же, № 833а, л. 83-86), ср. там же, №№ 929а-943а.» и ссылается на фонд F 143. А в деле № 833а - студенческая работа С.М. Шапшала 1895 года, а в № 930, № 931- тетради русских уроков наследника шаха, в №№ 934 - 941 – документы турецкого периода, а в деле № 943а вообще “ Селим-Мурза. Учебник персидского языка”, изданный в Вильнюсе в 1960 г.

С. 221. Упоминается статья «основанная на данных, полученных от Шапшала», а данная статья о шахе Музафаре-ед-Дине (F143, № 929а, л. 1-5) датированная 1900 г., а Шапшал прибыл в Персию в 1901 г. в Тебриз, а не в столицу - Тегеран, где был шах.

С. 223 А.Н. Самойлович назван учеником Шапшала, хотя окончил Университет в 1903 г., а с 1907 г. он был уже приват-доцентом в этом Университете.

С. 226 Появляется доктор Кефели-Эгиз, которая работала в Париже и в 1909 г. встретила в С.М. Шапшале в Персии – подразумевается жена С.М. Шапшала. Откуда взята Кефели-Эгиз, если существует официальный документ «Выдан женщине-врачу Вере Исааковне Эгиз-Крым» 6.04.1907 года и есть ее автобиография (F143 № 9а л. 7), где не указана работа в Париже, и в Персии она не была. И С.М. Шапшал в 1909 г. в Персию не ездил, они оба были в Одессе, где пребывал свергнутый шах Мухамед Али с женами.

Можно еще разбирать «факты» и выводы Кизилова, но пора перейти к документам, иллюстрирующим настоящее отношение правительства Персии (с 1935 г. – Ирана) к С.М. Шапшалу, которое разобралось в реальной деятельности С.М. Шапшала в Персии. Вот отрывок из черновика одной из автобиографий С.М. Шапшала (F143 № 34 л. 8-9):

Тем временем, я поступил на службу в качестве переводчика в новооткрытый

Турецко-Персидский Торгово-Пром. Банк. Не желая получать нансеновский паспорт с определенно-политической окраской белого русского эмигранта, я, по совету Иранского Генерального Консула, посетившего этот Банк, подал ходатайство о выдаче мне иранского паспорта. Получив такой паспорт, мы с женою до конца своего нахождения в Истамбуле, были на положении иранских подданных, строго стоя в стороне от русских белых патриотов, идеологии которых мы никогда не разделяли.

Это подтверждается хранящейся в деле (F143 № 935 л. 94) справкой Турецко-Персидского Коммерческого Индустриального банка от 31.03.1928 № 16, что С.М. Шапшал там работал с 20.06.1922 по 31.03.1928.

В деле (F143 № 975 л. 44) хранится документ Польского консула в Константинополе от 25.04.1928, что SZAPSZAL SUREJA CHAN, имеющий персидский паспорт едет в Польшу гаханом общины караимов в Польше.

Именно благодаря этому паспорту С.М. Шапшал имел возможность общаться с советскими тюркологами, приезжающими в Константинополь, а В.И. Эгиз лечить сотрудников советских представительств.

В деле (F143 № 173 л. 1- 4) хранятся – письмо на бланке Имперской миссии Ирана о награждении С.М. Шапшала дипломом и памятной медалью в честь 1000-летия иранского национального поэта “Abul-Gassem Ferdowsi” (Х.А. Фирдоуси) за участие в подготовке торжеств в честь 1000-летия Фирдоуси в Варшаве по представлению N. Arastch (Н. Араста). Бланк о награждении медалью и Грамота.

В деле (F143 № 942 л. 1-2) хранятся визитка Nadir Mirza Arasteh (Надир-мирзы Араста), экстраординарного посла и министра правительства шаха, и приглашение к “Excellence le Nachan Seraia Khan Charchal” на прием 9 декабря.

В деле (F143 № 959 л. 1-2) хранится Приглашение на торжества по 1000-летию Фирдоуси 9.12.1934 в Варшаве на польском.

В деле (F143 № 299 л. 1-3) хранится частное письмо из Тегерана к С.М. Шапшалу от 15.04.1922, в котором пишется, что попытались отправить данное письмо «... с оказией через Советника Персидского Посольства в Константинополе», но он не взял, побоялся везти его через Советскую Россию – послали по почте.

Как видим, правительство Персии разобралось с реальными делами С.М. Шапшала и полностью отказалось от обвинений, которые звучали в пылу междоусобной борьбы и относилось к С.М. Шапшалу с уважением.

1*. Н. Тер-Оганов. Неизвестный архивный материал о Сергее Марковиче Шапшале (Адиб-Солтан). http://shorashim.narod.ru/case_ter_oganolv.htm

2*. М. Кизилов. The Sons of Scripture: The Karaites in Poland and Lithuania in the Twentieth Century. Hardcover, 2015.

3*. Browne, Edward Granville. The Persian revolution of 1905-1909 / by Edward G. Browne. - Cambridge: at the university press, 1910.

ДОПОЛНЕНИЯ

Программа конференции

2-я МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «Вопросы сохранения культурного наследия караимов»

г. Севастополь, 27 ноября 2020 г.

Место проведения: Севастопольский городской национально-культурный центр, ул. Большая Морская, 38

On-line формат для иногородних участников конференции на платформе Skype

ПРОГРАММА

9:30 - 10:00 Регистрация участников. Пресс-подход. Кофе, чай

10:00 - 10:30 Открытие конференции. Приветственное слово организаторов и участников

10:30-13:00 Утреннее заседание

- 1. Переписи населения второй половины XIX в. как источник изучения сведений о севастопольских караимах**
Наталья Терещук (Севастополь), заведующая архивом Аппарата Законодательного собрания Севастополя
- 2. Караимы в средних и высших учебных заведениях Российской Империи**
Павел Иванов (Иртлач) (Москва), Национально-культурная автономия караимов города Москвы
- 3. Караимы в Варшаве до 1918 года - новые данные на виртуальной карте**
Адам Дубинский (Варшава), президент правления Фонда караимского наследия
- 4. Стремительно увеличивать число караимских семейств – является важнейшим условием сохранения всякого историко-культурного наследия**
Шимон Пилецкий (Варшава), председатель правления Караимского религиозного союза Польши
- 5. История возникновения, становления и развития караимской общины в городе Киеве**
Александр Арабаджи (Киев), президент правления Киевского национально-культурного центра крымских караимов «Догунма»
- 6. Кое-что об отношении в Персии к С.М. Шапшалу**
Александр Бабаджан (Вильнюс-Симферополь), газзан
- 7. Песенный музыкальный фольклор крымских караимов на современном этапе: актуальные проблемы собирания, изучения и популяризации**
Марина Дубровская (Новосибирск), зав. кафедрой этномузыкознания, доктор искусствоведения, профессор Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки
- 8. Итоги последних лет работы Севастопольского караимского общества и ближайшие цели и задачи**
Евгений Баккал (Севастополь), председатель Севастопольского караимского общества «Фидан»
- 9. Национальные некрополи Севастопольского региона. Проблемы изучения и сохранения**
Ольга Малиновская (Севастополь), директор Севастопольского городского национально-культурного центра

13:00-13:45 **Перерыв. Кофейная пауза**

13:45-16:00 **Вечернее заседание**

10. **Законодательные инициативы Авраама и Гавриила Фирковичей в рамках правового поля Российской империи (середина XIX века) (по архивным материалам)**
Дмитрий Прохоров (Симферополь), доктор исторических наук, с.н.с. Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского»
11. **Изучение и сохранение предметов декоративно-прикладного искусства как части материально-культурного наследия крымских караимов**
Ирина Баккал (Бахчисарай), председатель Местной национально-культурной автономии крымских караимов «Карайлар» г. Бахчисарая
12. **Фотографии из семьи караимского купца И.А. Максимаджи в фондах Севастопольского военно-исторического музея-заповедника**
Ольга Завгородняя (Севастополь), научный сотрудник сектора «История Севастополя» Севастопольского военно-исторического музея-заповедника (музей Панорама)
13. **Серая Шапшал – выдающийся хранитель культуры и языка крымскокараимского народа**
Олег Петров-Дубинский (Москва), член правления Национально-культурной автономия караимов города Москвы
14. **«Карай Битиклиги»: документальные и фотографические материалы из архивов Ромуальда Арамовича Айваза»**
Даниил Пьясор (Евпатория), член правления Национально-культурной караимской автономии городского округа Евпатория «Кардашлар»
15. **Некоторые итоги работы над переводом древнееврейской эпиграфики караимского некрополя в Севастополе в 2019-2020 г.**
Вячеслав Ельяшевич (Симферополь), председатель Караимской религиозной общины города Симферополя
16. **Деятельность Туршу на посту городского головы Евпатории**
Владимир Поляков (Симферополь), доктор исторических наук , профессор Крымского индустриально-педагогического института (КИПУ) имени Февзи Якубова,
17. **Сохранение историко-культурного наследия караимов. Из опыта Мелитопольской караимской национально-культурной общины**
Юрий Макаров (Мелитополь), член правления Мелитопольского национально-культурного караимского общества «Джамаат»
18. **Выступления участников конференции**
19. **Заключительное слово**
Евгений Баккал

Письмо Юлии Подлипаевой в оргкомитет конференции.

Здравствуйтесь!

Отправляю Оргкомитету Конференции в Вашем лице короткий материал о своем прадеде, Газзане Аврааме Азарьевиче. Возможно, по результатам Конференции планируется какая-то Интернет-публикация. Буду крайне признательна, если туда войдет и этот материал. Он не содержит новых фактов об А. М. Азарьевиче по сравнению с теми, которые изложены в книге "На рубеже эпох", но семейная фотография может представлять некоторый интерес.

Всего наилучшего, с уважением,
Юлия Подлипаева (Каракоз), С-Петербург

(1) 1902 г. Севастополь, Крым. Авраам Азарьевич (1843-1908), Младший Газзан Севастопольской Кенасы, и его семья - жена Эстер и 11 детей.

Мой прадед по отцу А. Азарьевич с 1888 г возглавлял Севастопольскую караимскую общину. В 1899 г был награжден серебряной, а в 1903 - золотой медалью «За усердие».

С 1907 г - потомственный почетный гражданин города Севастополя. 15 мая 1908 г вместе с Гахамом С. М. Пампуловым вел первое богослужение при открытии и освящении Севастопольской Кенасы.

У младшей дочери А. Азарьевича, моей бабушки Марии Азарьевич, в замужестве **Каракоз** 1900-1961 (на фото - самая маленькая девочка в первом ряду), было двое детей – мой отец Игорь **Каракоз** (10.02.1929-08.09.2012), его прах в октябре 2012 г был по его завещанию развеян в Балаклавской бухте, и Галина **Каракоз**, в замужестве **Федорова** (04.02.1937-2013), похоронена на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге.

С 1931 г семья М. А. Азарьевич-Каракоз жила в Ленинграде-Санкт-Петербурге.